

18+

ЛАТЫШСКИЙ СОВРЕМЕННОК



ХАРАКТЕРИСТИКА

ВОСТОМИНАНИЯ

АВТОР:

В. А. Степанов

Владимир Степанов

Характеристика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72304654

ISBN 9785006771819

Аннотация

Молодым лейтенантам радиотехнических войск ПВО, воздушным «пограничникам» России от лейтенанта минувшего века. Как мы жили, служили, дружили. Воспоминания.

Содержание

1	5
2	11
3	20
4	24
5	33
6	43
7	49
8	57
9	63
10	71
11	81
12	86
13	101
14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Характеристика

Владимир Степанов

© Владимир Степанов, 2025

ISBN 978-5-0067-7181-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Молодым лейтенантам радиотехнических войск ПВО, воздушным «пограничникам» России от лейтенанта минувшего века. Как мы жили, служили, дружили.
Воспоминания.

«Ну что ж, прощай, жалеть не стану, я мильён, таких достану, зараза-а...!» – Козырев сбился с ритма примитивного аккорда и бросил гитару на кровать. Сегодня утром вертолёт доставил его к месту постоянной дислокации, где он проходил срочную службу. С ним прилетела долгожданная почта, вместившаяся в двух мешках, под завязку набитых газетами, журналами, бандеролями и, конечно же, самыми ценными, были письма, от родных, от девушек, от друзей.

Отсидев пять суток на гарнизонной гауптвахте, где жизнь становилась, прямо сказать, совсем не сладкой, и даже слово это мягко сказано! Майор – общевойсковик, за что-то разжалованный до капитана, прибывший к новому месту службы в новой должности «начальника губы», учил сынов могучего государства, как правильно любить Родину и умело защищать её. Он прибыл из пустынных мест палящего Туркестанского военного округа, из раскалённого солнцем жёлтого клочка пустыни, где располагался его гарнизон. С юга на восток, такую служебную рокировку сделали с этим капи-

таном, сняли звёздочку и послали подальше от тепла, охладиться кинули на самый Дальний...!

Исколотый верблюжьими колючками, обласканный «чёрным» песком знойной пустыни Каракумы и вечным, несмываемым загаром на смуглом, скуластом лице, он внушал арестантам не испытанный ими страх. Непослушных «детिशек», посланных ему на перевоспитание из воинских частей, он обучал ускоренным, своим методом. Для особо «тяжёлых», неподдающихся он имел особую «прививку» собственного изобретения и держал отдельный «люкс» на четверых.

Страшно было выходить из камер на занятия, обучаться бескорыстной любви к Отчизне и суметь полюбить её за трое суток. Проницательный капитан никогда не ошибался, он видел каждого, кто проникся любовью к Родине, и кто её отвергал.

– Это вам не бабу мять, здесь нужны широкие объятия, чтобы концев рук своих не видел. Понял, сынок?! – и замирал, пристально глядя в глаза непослушника. Кто опускал глаза и бормотал: «так точно», тот уже полюбил Родину, во всяком случае, на время службы. Второй раз попасть сюда, на ускоренные уроки «любви», желающих не было.

Для тех, кто попадал в группу «элитных» (неподдающихся), занятия были особые! Lentяй или ерепенившийся отхватывал дополнительные сутки ареста, которые приплюсовывались к тем, которые он заработал. Боялись все!

Костя Козырев после четырёхчасового полёта в вертолётё, после тряски и грохота мотора и винтов Ми-4, доложив командиру о прибытии, сидел на табуретке, прижавшись спиной к спинке железной койки. «Как ни строг наш командир, но он сейчас для меня родной отец, а тот...! Интересно, есть ли у него дети? Этот начальник „губы“, этот пахан в погонах, любого пахана из Владимирского централа или Крестов замучает. Да он, не только свою Родину, он и вражескую землю заставит полюбить. Откуда только взялся такой? На вид – россиянин будто, а чудит... Басмач! Ооо..., не приведи Аллах! Но ведь обязательно снова в лапы к нему попаду, ещё год службы почти, далеко до дембеля».

Ответственный, так сказать почтальон солдатской почты разбирал письма и раскладывал газеты с журналами.

– Козырь, тебе два письма, из твоего Смоленска, – крикнул в сторону Кости почтальон.

– Кому...?

– Тебе, тебе... – и поднял руку с двумя конвертами. Козырев медленно поднялся с табуретки и устало зашагал к поднятой руке с его письмами. Письма были от родителей и от его ненаглядной Тоси. Настроение его начало подниматься, как температура при гриппе.

Конверт с письмом от Тоси он раскрыл первым, ожидая, как тёплые строки сладким бальзамом растекутся по его измученной душе и телу после жёстких нар гауптвахты, после изнурительной строевой подготовки и физических «упраж-

нений», в корне отличающихся от стандартных упражнений на шестнадцать счётов, принятых Советской армией. После тюремной физзарядки стоять не было сил. Приходилось «раком» преодолевать три ступеньки крыльца и на четвереньках вползать в камеру, и упрямые «друзья» твои, берут тебя за руки и закидывают на второй этаж «люкса». Сюда, почти каждый день, заходил сам хозяин, и начиналась учёба. Начинаясь с партийно-политической работы – с разговорной части. Неизменным был главный урок, и он всегда начинал его с одних и тех же неизменных слов: – «Товарищи, тема нашего теоретического занятия всё та же: «Любовь к Родине и пагубное влияние нерадивых на тех, кто до конца не прочувствовал крепости этой любви». Хорошо умел говорить «высушенный» солнцем худой капитан. С кавказцами на их национальном «диалекте»; со славянами на их территориальном диалекте, вкручивая такие словечки, что можно отдельный словарь составлять.

Строевая подготовка отбивала всю охоту кому-либо рот открыть, когда после изнурительных занятий капитан строил арестованных в одну шеренгу и говорил: – «Вопросы, жалобы, предложения, есть...?» – Тишина! – «Жалоб нет, вопросов нет, стало быть, и предложений не будет! Это плохо, сыны мои, предложения всегда должны быть и просьбы. У меня в застенках много чего имеется. „Деду“ валенки нужны? Нужны! Я три ему выдам, один на башку и два на грабли, чтобы из „духа“ последний дух не вышиб. Вы же любите, „де-

ды“, дух из салаг вышибать. А...? Значит, я так понимаю, что все довольны, я рад за вас, дети мои! А теперь, плавно переходим к физическим упражнениям, со всякими кульбитами и неожиданными отбросами естественных отходов органического содержания, которые имеют место быть в процессе занятий, шибко всё вытряхивает. Смену исподнего белья гарантирую, у меня полная кладовка сраных кальсон, есть и стираные, но они только для старательных предназначены. Стремитесь к чистому...!»

И хозяин гарнизонной «тюрьмы» приступал к занятиям каратэ, приёмами которого Советская Армия ещё не владела массово, только слышала о такой борьбе. Не нанося ущерба здоровью, большие младенцы падали, охая, а он каждый свой выпад рукой, ногой или броском сопровождал словами из советского гимна: – «Это есть наш последний и решительный бой...», – и валял здоровых, крепких парней, как хотел. Сам же, от горшка два вершка, сухой, жилистый и возраст под сорок, значился под именем великого полководца Александра Васильевича! Ему бы его фамилию ещё, ну чем ни Суворов! И схожесть с портретом полководца, была очень велика.

– Я вас, дети мои, мать вашу..., Родину великую нашу любить за пять суток научу. Строевая, строевая и только строевая! Это будет – раз! Маршировка, плавно переходящая в бега туда и обратно, сто кругов по периметру этого двора – это два! Физические упражнения особенные! Наш потенци-

альный натовский враг уже обучается невиданным приёмам железного кулака, а мы чем хуже...! Это три! Потом, может быть, я вас в Москву стольную нашу отвезу, если разрешат. Покажем кремлёвским курсантам дальневосточную шагистику, но это потом! А сейчас, шагом марш на плац! Сержант! Строевой устав в руки! Два часа отработки поворота кругом в движении (один из сложных приёмов строевой подготовки).

Сержант, отбывающий наказание, пулей врывался в помещение за строевым уставом. Промедление, нерасторопность грозило прибавкой суток, а то и двух. Желание продлить «удовольствие» в гостях у гостеприимного хозяина «тюряги», прибывшего из верблюжьих, колючих, знойных краёв, отшибало напрочь у самого неподдающегося.

2

Вскрыв Тосин конверт, Костя передумал читать его первым. «Оставлю на потом, как сладкий десерт», – решил он и взял родительское письмо. Быстро пробежав глазами по всем строкам, он не увидел почерка отца, писала только мать, это насторожило его, и строки были неровными, даже «нервными». Козырев догадался, мать писала в большом волнении.

Прочитав родительское письмо, сын долго сидел неподвижно, уставившись в одну точку, теребя тетрадный листок пальцами. Он ещё раз прочитал несколько самых горьких материнских строк: «... сынок, Костик, что же ты огорчаешь нас! Терпи, в армии гражданские вольности не позволительны и пререкание с начальниками не дозволено солдату. Я женщина, не служила, а знаю, нельзя перечить командирам и рот открывать, где попало и перед кем попало. Ты говорливый у меня сынок, отслужи уж как-нибудь молча, уйди в себя и не перечь никому. Домой приедешь, я для тебя трибунку закажу и слушать буду. Это я шучу, а вот отцу не до смеха, злой ходит. Просила, чтобы хоть две строки написал, так нет, наотрез отказался. Говорит: «Приедет, тогда и поговорю с ним».

У тебя же, Костик, брат младший. Объявишься, Петька тебя вопросами закидает. Я ничего не говорю ему, а ты ду-

май, как будешь с ним говорить, ему же скоро четырнадцать и армия не за горами. Одумайся сынок и, повторюсь ещё раз: угомонись, не перечь старшим, уйди в себя и молчи...»

«Поговорим, не так уж и долго осталось! Думаю, батя штаны с солдата не будет сдирать и пороть меня моим армейским ремнём, всё-таки вышел из такого возраста». – Костя взял Тосин конверт и почувствовал, что и в нём лежит тоже что-то такое горькое, неласковое и неподъёмное, от которого нелегко будет задышать.

Предчувствие не обмануло его, развернув листок, он увидел, что это было даже не письмо, а записка в несколько строк. Костя зашевелил губами, читая эти горькие строки: «Здравствуй Костя! Тебя я ждать не буду! Хорошо, что клятву не дала. Приедешь домой, встречи со мной не ищи. Прости!»

В груди всё сжалось до боли, будто омут затянул в глубину реки и сдавил всё тело. Он стоя рвал письмо с конвертом на мелкие клочья, чтобы больше не видеть этих горьких слов и её адреса, где она живёт, которую знал почти четыре года. Эти четыре года он смотрел только на неё и в его мыслях не было увлечься какой другой девчонкой.

Это был удар по самолюбию солдата, который ждёт долгожданной встречи, когда настанет тот самый последний дембельский день его службы, и он сядет в вертолёт и полетит в посёлок Аян, а оттуда на воздушных перекладных будет добираться до родного Смоленска, где его ждёт она, его То-

ся. Это был сильный удар по самолюбию мужика. Он никогда не слышал в свой адрес такое обидное слово как «маменькин сынок», он доказал это и на гражданке, и в армии с первых же дней. Изорвав в клочья конверт с письмом, с размаху бросил их на синее одеяло своей кровати.

«Кто же маляву накатал туда, домой, родителям моим? Ротный или замполит? Да нет, ротный отпадает! Ротный гайки умеет закручивать, на то он и ротный, а вот замполит...? Этот с аристократическим, благородным обличем, сверхинтеллигентным воспитанием, жестами и манерами столичного дипломата, этот, этот...? Этот, наверно, сможет, ну, а кто ещё...? Надо матери написать, чтобы сохранила письмо. Кто им писал про меня, приеду, по почерку сразу пойму. У замполита запоминающийся ровный почерк, плакатным пером сколько стендов оформил в ленинской комнате.

Наверно, мамка моя Антонину во всё посвятила, как я тут службу трудную тяну. Она любит её, Тосю, и не хочет, чтобы я жизнь ей коверкал. И в письма эти, интересно, сколько их было, посвятила её, иначе, не было бы такого...». Костя с накотившимися слезами, горько смотрел на раскиданные по кровати бумажные клочки.

– Пошли курнём, Козырь, – он ощутил руку на своём плече. Рядом стоял Исаев, радист из взвода связи. – Ты иди, я соберу, – сказал он и стал пальцами сгребать в кучку рваные кусочки бумаги.

Они стояли в курилке и молчали, затягиваясь дымом «Па-

мира». Дым дешёвых сигарет туманом висел над головами. До вечерней поверки был целый свободный час, курящих в курилке было много. Докуривая сигарету, Исаев спросил Костю:

– Что, плохие вести от неё?

Костя молча кивнул головой и добавил:

– Моим папашке с мамашкой кто-то накатал отсюда письмецо, как я в армии служу, а мать ей, Тосе, а она мне, – он кивнул в урну, куда Исаев бросил порванное письмо от Тоси. – Ладно, Серёга, подробности потом, пойду струны рвать, души своей и гитарные тоже.

– Смотри на самом деле не порви гитаре, она одна на всех, – сказал Исаев вышедшему из курилки Косте. Исаев неплохо играл на гитаре ещё до армии, во время учёбы в школе он учился и в музыкальной. Они были хорошими друзьями, делились чем могли и новостями, и посылками, что с родины приходили. Исаев давал ему уроки игры, Костя очень желал овладеть этим инструментом, слушая, как мастерски, по его понятиям, владеет гитарой его друг.

Костя посмотрел на гитару, но передумал её брать и полез в тумбочку. Он вытащил обычную, школьную тетрадку и вырвал из неё два листа. Придвинул табуретку к тумбочке, сел на неё, но слова, что первыми пришли в голову, так и не сумел вклеить в бумагу.

«Нет, так нельзя! За что ей так, за что...?» – Он бросил ручку в выдвинутый ящик тумбочки и в комок смял чистые

листы. Взял гитару и, закинув ногу на ногу, выдал аккорд. Душа его так страдала, что всю боль, которую она сейчас испытывала, он решил перенести из письма в песню, слова которой зарождались в его горячей голове.

«Два лейтенанта, у них магнитофон. Они меня поймут, когда я свою песню под гитару запишу на кассету и отправлю ей. Поймут, нормальные мужики, пусть не женаты, но девушкам наверняка пишут!». – Так рассуждал воспалённый, страдающий мозг солдата, отвергнутого любимой и строгими наставлениями родителей.

– Прощай, жалеть не стану. Я таких..., – Костя громко матерился, когда снова прижал пальцем не ту струну. Аккорда опять не получилось, и он бросил гитару на кровать.

– Рота, приготовиться к вечерней поверке! – прокричал дневальный, стоя у тумбочки в конце казармы. Козырев взял гитару и понёс её в ленинскую комнату, где в углу, за шторой, хранились ротные музыкальные инструменты.

– Птьфу..., – плюнул Козырев на кыргызский ударный инструмент добулбас, из-за этого добулбаса с его музыкантом он чуть ни сел в очередной раз на «губу». Башкирская думбыра и дутар в две струны с длиннющей метровой «шей» (гриф) стояли рядом. Костя поставил гитару рядом с баяном, к которому имел также большое уважение, как и к гитаре. В роте нередко случались стычки «музыкантов», и очень серьёзные, когда каждый хотел поиграть на своём инструменте, вспомнить аул, вспомнить деревню в лесу, вспомнить

знойную степь.

– Рота, строиться на вечернюю поверку! – снова прокричал дневальный. Солдатские сапоги затопали по деревянному полу казармы, рота строилась в две шеренги. Перед строем стоял сержант со списком личного состава, сзади него – старшина роты, который примет от него доклад о наличии личного состава: кто в строю, кто на дежурстве, кто болен, кто в наряде! Местное время на больших, круглых часах над тумбочкой дневального показывало двадцать два часа, десять минут. «Отбой!» – солдаты расходились по своим местам, снимали сапоги, гимнастёрки, галифе и укладывались в свои кровати, погружаясь в сон: кто мгновенно, кто через час, а иные, только под утро засыпали. Молодые ребята, мужички, кому только восемнадцать стукнуло, а кому за двадцать перевалило. «Деды», которые одним сапогом уже на гражданке, спят спокойно, молодые же – «духи», нервно, напряжённо, вся служба впереди, и как ещё пойдёт она, служба эта? А «черпаки» ждут не дождутся, когда «деды» по домам разлетятся, и тогда они становятся полноправными «дедушками».

Служить в армии по уставу о-ох... как нелегко! Каждый воспринимает отношение к службе по-своему. Приказы и распоряжения командиров и начальников исполняют также, по-разному. Одни быстро, добросовестно и в срок, своевременно доложив об исполнении, а иные совсем не так, как этого требует устав. В каждом молодом призывнике,

одедом в армейскую форму, имеется свой, индивидуальный взгляд на военную службу. И как можно крепко ошибиться в нём если, вдруг, настанет такой момент, когда нужно стрелять в противника и, даже не в противника, а просто стрелять в мишень на стрельбах!

Как обманчив лик человека, когда он одет, как и все и слился в этой массе воедино. Он уходит с поля зрения, когда ничего плохого не совершает, к нему нет пристального внимания, он хороший солдат: дисциплину не нарушает, уставы воинские знает и исполняет их. В поле зрения попадают другие: отвергающие службу, насильно заставляющие молодых выполнять их, непосредственную работу, любители поиздеваться и почесать кулаки, не оставляя следов на теле молодых салаг, так называемых «духов». Это и есть – дедовщина!

В этом подразделении весь коллектив, начиная с офицеров и кончая самым молодым рядовым, не доглядели службу одного товарища. Он не влился ни в один маленький коллективчик, обычно из трёх, четырёх человек. Да, общался со всеми, но не дружил, ни с кем не дружил! В свободное время он направлялся к скале, которая возвышалась над морем в ста метрах от казармы, её называли «Дембельской» скалой. Вся исписана датами, месяцами, годами, со времён, как развернули здесь радиолокационную роту. Здесь он тайно молился, молился и тогда, когда его ставили в караул, молился везде, где оставался наедине с собою, убедившись, что

нет посторонних глаз.

Этот молодой человек, девятнадцать лет, впечатлял ротного и остальных офицеров своей исполнительностью и отношением к службе во всех её деталях: будь он в карауле или дневальным, будь он на хозработках и когда нёс боевое дежурство непосредственно по специальности.

Командир собирался, после очередных плановых стрельб, отчитаться за результаты и ходатайствовать о присвоении ему ефрейтора, а там и на младшего сержанта месяца через два-три послать кодограмму в Охотский полк.

Очередные стрельбы из стрелкового оружия проводились недалеко от технической позиции. Мишени были расставлены в сторону открытого моря, куда хоть из пушки пали, там корабли никогда на горизонте не показывались, разве что редко одинокий кит проплывёт. Когда дошла очередь стрелять до этого молодого парня в солдатской форме, он выполнил команду: «Для стрельбы положение лёжа, принять!», далее последовала команда: – «По мишеням, огонь!». Трое отстрелялись и доложили, а он, даже палец на курке не держал! Подошёл командир.

– В чём дело...?

Молодой человек в армейской форме встал и, без чувства вины за собою, без какого-либо смущения, твёрдым голосом, громко заявил:

– Вера моя, товарищ капитан, не позволяет этого делать, и я не буду этого делать, не возьму греха на душу!

Все, кто был на стрельбище, не проронили ни слова. Стало ясно: секта сумела обработать и навязать свою волю этому молодому парню. Судьба этого человека до службы была неизвестна никому. Скрыть такое было невозможно – этот случай являлся чрезвычайным происшествием для маленького подразделения. После длительной беседы с командиром и замполитом, он был отправлен первым же вертолётom с положительной характеристикой (командир сам писал её) в соответствующие органы.

Уставы и наставления в русской армии не один век писались. Они слой за слоем, том за томом нанизывались на острый штык военной истории, как нанизывают на шампур маринованное мясо для шашлыка. Писались кровью, писались опытом, накопленным многочисленными войнами: «...стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы...» – сказано коротко, а какой смысл! Это особый и очень глубокий смысл, и, если его широко развернуть, рука устанет писать, перечисляя эти тяготы и лишения! Два слова – «тяготы и лишения», наводят человека на грустные мысли, и воображение его рисует совсем неяркие и невесёлые картинки, потому что слова такие. От таких слов смеяться не хочется.

Жизнь – это история, потому история и пишется, чтобы человек изучал земную жизнь, с самого её зарождения, и, уходя из этой земной жизни, он оставляет историю своей жизни, одни бесследно, а другие на многие века и тысячелетия.

3

Костя лежал на нижней койке. После команды «Отбой» прошёл целый час, скрипели пружины кроватей, бойцы ворочались, кто на правый бок, кто на левый. Усталый после четырёхчасового полёта на гремящей вертушке, перевозбуждённый горькими письмами из дома и от Тоси, он не мог никак заснуть.

Рядовой Козырев К. И. служил в отдельной радиолокационной роте оператором радиолокационной станции (РЛС) П-14Ф с красивым названием «Лена». Каждый конструктор, изобретая своё детище, которому страна даёт ход ставить изобретение на поток, придумывает название, это может быть имя, цветок или дерево и т. д.

«Хорошо, что завтра идти на смену (дежурить) после обеда», – ворочаясь, успокаивал себя Костя. Сон никак не брал его. Он лёг на спину и смотрел в полумраке на сетку верхней койки, где, тихо похрапывая, спал его дружок Серёга Исаев. Они сдружились ещё в Охотске, когда формировались команды новобранцев, куда кого и скольких направить по подразделениям, разбросанным через каждые 200—300 километров по побережью Охотского моря.

В памяти Кости начали вырисовываться картинки первых дней его службы здесь, в этом подразделении. Уже через месяц он умудрился получить строгое наказание пять суток

ареста.

Первый день, как только вертолёт приземлился в воинскую часть, он запомнил навсегда. Их, пятерых новобранцев, никогда не летавших на такой воздушной технике, в Охотске посадили в вертушку, завёлся двигатель, закрутились винты машины, и она, оторвавшись от земли, сделав поворот под большим креном, взяла курс на мыс Нурки.

Вертолёт Ми-4, набрав высоту до километра, летел вдоль берега моря. Слева, бескрайняя, серая панорама Охотского моря. Пять пацанов сидели с правой стороны, уткнувшись лбами в стёкла иллюминаторов. Сплошные зелёные сопки впечатляли! Их можно сравнить с гигантскими волнами огромного океана, под которым произошло землетрясение, или, проснувшийся после длительной спячки, подводный вулкан начал дышать. Каждая сопка – это «волна цунами» со своей вершиной (гребнем) и низиной (лощиной).

Этот огромный зелёный океан, изрезанный мелкими серебристыми речушками, тянулся на тысячи километров. Разговаривать в вертолёте было невозможно. Можно только кричать в самое ухо рядом сидящему, шум винтов над головой и работа двигателя заполняли весь салон.

Внизу можно было разглядеть домики, которых было немного, не больше пяти, расположившиеся на берегу речки, которая выползала откуда-то из сопки. Речка разделялась на три рукава и стремительно неслась в море.

– Это Улья. Здесь якуты и рыбу ловят, и охотятся, – кри-

чал прапорщик. – Потом будут Кекра, Фёдорово, а следующая остановка наша.

Вскоре вертолёт взял курс правее, медленно пошёл на снижение и на разворот.

– Вот и приехали! – крикнул прапорщик, указывая рукой на левый борт, на иллюминаторы, и все бросились к левой стороне, прижав лбы к окошкам. Длинная, кривая и узкая полоса суши выходила из крутых таёжных сопок и врезалась в открытое море на пятнадцать километров, не меньше. С высоты трёхсот метров эта полоса суши хорошо просматривалась.

От сопок тонкой линией тянулась километров на пять самая узкая её полоса, постепенно ландшафт её становился шире и выше, появилась скальная порода, огромные, много-тонные валуны, кривые берёзы, стланик и разные виды кустарника. Затем, этот участок снова сужался и опускался почти до уровня моря, продолжая тянуться длинной полосой, и вновь полоса начинала расширяться и расти в высоту, и, заканчивая свой длинный путь высоко над уровнем моря, она резко обрывалась, оголяя гранитную породу.

Со стороны моря скала похожа на профиль лица властного короля с короной на голове, с прямым чуть с горбинкой носом и мощным подбородком. Этот мыс неофициально среди обитателей Нурков получил название «мыс Король».

Дальше по курсу в сторону поселка Аян недалеко от берега можно было увидеть две рядом стоящие скалы, очень

похожие друг на друга. Сопровождающий новобранцев прапорщик, снова прокричал:

– А это, юноши, наши неразлучные «Дунькин пуп» и «Ванькина плешь», потом о них расскажу, а то глотку сорву.

4

Вертолёт коснулся колёсами о галечный грунт, осел и остановил винты, выключив двигатель. Командир машины открыл двери и спустил железную лесенку, так называемый, трап.

– Выходи по одному! – скомандовал прапорщик. И молодое пополнение стало спускаться на узкий клочок земли, где им предстоит посвятить два года жизни службе на дальних рубежах своего Отечества!

Первое, что ощутили молодые, когда встали на землю – это тухлый, резкий запах! Все смотрели на деревянную конструкцию, стоящую над обрывом метрах в пятидесяти. Было понятно, что это солдатский «нужник», и вонь исходит оттуда.

– Не туда смотрите, там хлоркой посыпают! – сказал прапорщик. – Вот она деликатесная на солнышке запрела. Прапорщик указал на берег, где волны выталкивали длинные, широкие зелёные ленты. И травой-то не назовёшь. Это была морская капуста. На солнце она быстро приобретала бурый цвет, а потом так «ароматно», что можно задохнуться, разлагалась.

Наверху стали появляться люди, они по широким деревянным ступенькам спускались вниз к площадке, где стоял вертолёт.

– В одну шеренгу становись! – скомандовал прапорщик, когда увидел командира роты.

Неожиданно, со стороны, где стоял солдатский туалет, снизу за ним, раздался дикий свинячий визг, потом хрюканье и собачий лай тоже с визгом. На помойке дрались свиньи и собаки. Три свиньи и пять собак что-то не поделили и плотно крутились у одного места, не уступая его. Шумная драка отвлекла всех от представления командиру нового пополнения, все смотрели на собак и свиней.

– Ё-маё! – громко заёкал Костя. – Они что, из тайги пришли что ли?

– Кто? – спросил Исаев, не понимая, о чём говорит его дружок.

– Да свиньи! Где таких домашних свиней найти? Только в тайге! Ты посмотри на них, какая щетина плотная, длинная, а цвет серый. Что они, кабанов диких приручили? Домашняя свинья розовая, если в грязь не влезла, щетина светлая и короткая, я только таких знаю. У меня бабка в деревне на Смоленщине в свинарнике работала, я ей часто помогал и на руках хрюшек этих тискал и таскал. Ты посмотри, Серёга, да этот же секач! Смотри, смотри..., видел, клык из рыла торчал? – Свинья промчалась в десяти шагах вдоль берега.

Солдаты разогнали собак и свиней, но одна свинья не убежала, стояла у помойки, она мотала головой и глухо хрюкала в банку, которая глубоко сидела на свинячьем рыле и не отваливалась. Десяток пустых, вскрытых на кухне, банок из-

под тушёнки, полчаса назад дневальный выбросил на свалку за туалетом, и, ещё не выветрившийся, пряный аромат тушёнки привёл собак и свиней на эту помойку.

– Старшина, разберись! – сказал капитан. – Банку с рыла снимите.

Прапорщик оставил привезённых бойцов и пошёл организовывать окружение хряка.

Человек десять, с широко расплостёртыми руками, припёрли свинью к стене казармы, но свинья отчаянно оттолкнулась задом от стены и прорвала заслон, быстро перебирая ногами, она побежала по узкой тропинке и скрылась в кустарнике.

Прибывшее пополнение стояло в сторонке. Командир глянул на ручные часы, рукой дал знать, чтобы поторопились. Медленно идущие к вертолёту высокий офицер и стройная, хорошо одетая молодая женщина, ускорили шаг. За ними плёлся маленький ребёнок лет четырёх-пяти, с любопытством озираясь назад, не дерутся ли снова свиньи с собаками.

Подошёл старший лейтенант, он был высок, строен и с донельзя интеллигентным, холёным лицом.

«Ну, совсем несвойственно иметь такое лицо офицеру в таком месте», – сразу, буквально в секунды, оценил облик молодого офицера призывник Козырев. – «И жена прямо на подбор, красивая, ничего не скажешь! А этот, видимо сынишка их, кудрявый, светловолосый, как Володька Ленин

в молодости!» – сделал заключение Костя о первой, увиденной им, офицерской семье, живущей в этой «дыре».

«Как же не вписываются в одну картину эти серые, визжащие свиные рыла, дерущиеся с собачьей сворой, с этой красивой парой. Этот запах гниющей морской капусты, эта дикая, необжитая полоса суши в холодном море и этот благородный, аристократической породы, офицер. И как мундир подогнан, с иголки. И жена, прямо под стать ему, а осанка какая, и тоже высокая. Посмотрим, все ли тут такие...? Прапорщик, вроде мужик как мужик, если форму снять», – Козырев смотрел, как командир протянул руку старшему лейтенанту.

– Ну, Юрий Николаевич, желаю хорошо отдохнуть и быстро добраться до места, сам знаешь, как повезёт с авиацией! До свидания, Лена и ты, Витька, слушайся отца с мамкой, понял меня?

– Понял, понял! – звонко заорал шустрый Витька. – Я, дядя Лёша, когда они не кричат, слушаю их.

– А когда кричат, то что?

– Я тогда убегаю в кусты к Рексу, он такой лохматый и тёплый и любит играть со мной.

Командир потрепал Витьку по кудряшкам, и в это время загудел двигатель вертолёта, заглушив все голоса.

– Ну, все по местам! – скомандовал командир, и семья старшего лейтенанта Белкина, замполита роты, по железным ступенькам вошла в салон Ми-4. Они летели в отпуск. Сол-

даты оттащили мешки с почтой, и винты вертушки начали набирать обороты. Колёса Ми-4 оторвались от земли, и он, под большим креном сделав поворот, взял курс на Аян. Костя, приложив ладонь ко лбу, чтобы не слепило солнце, долго смотрел, как машина гудела в воздухе, набирая высоту, и постепенно скрылась, растворившись в воздушной синеве.

Солдаты и офицеры, стоявшие внизу, были озабочены, что не смогли завалить кабана и снять с его рыла злополучную банку из-под тушёнки. Командир начал давать новое распоряжение, как вдруг, его неожиданно прервал один из только что прибывшего пополнения.

– Разрешите, я со свиньёй разберусь! – уверенным голосом обратился Костя к командиру.

– Ты?

– Так точно, я! – громко ответил Козырев. – Если так долго станем гонять её, она задохнётся, если уже не лежит где-нибудь в кустах бездыханная!

Командир внимательно посмотрел на прилетевшего вертолётном новенького оператора и ответил:

– Ну что ж, попробуй, солдат, обуздай кабана!

– Товарищ капитан, пусть принесут с кухни чего-нибудь ароматного, для приманки, – добавил новобранец.

– Старшина!

– Я, товарищ капитан! – распорядись, а свиней в свинарник загнать, хватит, прогулка закончена!

Козыреву сунули в руки миску с тёплой кашей и большим

куском говяжьей тушёнки.

– Пойдём со мной, покажу в какую сторону хряк победил, – сказал повар Косте, и они стали подниматься по лестнице наверх.

Костя отсчитал последнюю ступеньку и был наверху, от помощи повара ловить свинью отказался, чтобы снова не напугать её. Повар показал тропку, куда рванул хряк, а дальше был сплошной стланик и кусты. Козырев минуты две стоял на одном месте, перед ним открылась панорама расположения всей позиции маленького подразделения. За его спиной, недалеко от невысокой, массивной скалы стояла казарма из брёвен, обитых досками, которые давно стали серыми от времени, в трёх десятках шагов от казармы изба без окон – это баня. Вдалеке он увидел антенны радиолокационных станций, это была техническая позиция. Смотровая вышка (ПВН) стояла за баней. На более ровных площадках стояли два жилых дома (если можно их назвать домами) и продовольственный склад, тоже деревянный, находился в стороне между домами.

Эти дома назывались домами офицерского состава (ДОС). Каждый дом на четыре квартиры. Как и казарма, дома были собраны из брёвен, обиты досками и чёрным просмоленным рубероидом, крыши были также покрыты рубероидом. От сильных ветров, рубероид рвало в клочья, и смотреть на дома, где жили офицеры с жёнами и малышами дошкольного возраста, для прибывшего с «большой зем-

ли», было крайне удивительно и непривычно, что в таких можно жить.

Покажи какому-нибудь натовцу Майклу с его капризной Мери и маленьким их беби как живёт его вероятный противник советский офицер Иван с женой Машей и карапузом Ваней – они не поверят! Потому что им выжить здесь три года без кофе, без пепси, колы и апельсинового сока, без джаза и телевизионного экрана, целых три зимы, думаю, будет «Слабо!». И не могу не добавить такую важную, необходимую каждому человеку вещь, как туалет! А он деревянный и совсем не рядом с домом. И зимой, если догадался сразу прихватить лопату и раскидать снег, который засыпал дверь нужника, то можешь считать себя счастливым – успел открыть дверь! Но это только начало, всё ещё впереди... читатель!

Козырев топтался на одном месте и осматривал местность, этот необитаемый, полудикий, длинный и узкий полуостров, с его ветхими, жалкими серыми постройками, а вечером он узнал, что здесь нет ни радио, ни телевидения, здесь ничего ни «ловится», а если включишь транзистор, сплошной треск и шум, в общем, полнейшая аномалия. Он неторопливо шёл по узкой тропке, внимательно всматриваясь в кусты.

Вскоре, где-то в низких зарослях, услышал глухое похрюкивание. Свинья лежала на боку и жалобно, глухо хрюкала в банку, дёргая задними ногами.

Козырев, обломав несколько веток, чтобы удобно было подойти, медленно, короткими шажками, двигался к задыхающемуся и обессиленному хряку. Хряк не сделал попытки вскочить и рвануть глубже в заросли, силы его были на исходе.

– Блин, да ты за центнер тянешь, хрюша! А во мне семьдесят три и ни грамма больше, – Козырев начал думать, как прижать хряка, чтобы тот не смог вскочить на ноги. – Ого...! Да у тебя клыки наружу! Ты скажи мне, ты из тайги или тебя дома растили, скотина?

Хряк не собирался вставать, похоже, ему было совсем нехорошо. Костя навалился грудью на кабана поперёк его серой щетинистой туши. Левой рукой он крепко сжал и задрал вверх переднюю лапу, чтобы тот не смог вскочить и оттолкнуться от земли копытом. Свинья не сопротивлялась, лишь слегка дёрнулась всем телом, когда Костя прижал её плотно к земле.

Консервная банка была вскрыта обычным, кухонным ножом, и острые, металлические заусеницы глубоко впились в рыло хряка. Хряк задыхался в этом железном «противогазе», он дышал только за счёт узких щёлочек с боков между рылом и стенками банки, куда ещё мог просачиваться воздух.

– Да ты жадный, хрюшка, так «пятак» банку пронзил, она даже круглой формы лишилась! – Козырев начал раскачивать её в стороны и медленно тянуть на себя, хряк глу-

хо завизжал. Костя рукой почувствовал, как она вибрирует, эта банка. – Больно, больно, хрюша! Терпи, ты же хряк, значит мужик! Терпи, хрюша, – и, ещё раз качнув вверх-вниз, дёрнул её. Злополучный железный «противогаз» был снят. На морде свиньи начала просачиваться яркая, цвета вишни кровь.

Козырев не спешил слезать с хряка, а тот не спешил подниматься. Костя гладил его по жёсткой щетине, а тот шумно вдыхал воздух.

Успокоив животное, он медленно поднялся на ноги и поднёс миску с угощением прямо к рылу свиньи. Кабан ещё лежал, но дышал ровно и даже тихо похрюкивал. Учувя аромат мяса из миски, свинья начала подниматься, а её спаситель, держа низко миску, вышел на тропу, кабан двинулся за ним.

Они шли по тропке к казарме. Козырев смотрел вперёд, чтобы не споткнуться, а миску держал за спиной, хряк послушно следовал за спасителем.

– Козырев!

Костя остановился, из кустов выглядывал прапорщик и повар (они были тайными свидетелями проведённой операции и тайно засели в кустах на случай, если потребуется помощь).

– Заворачивай на эту дорожку, поведём его в свинячье «стойло», – тихо прошептал старшина, показывая рукой в какую сторону идти.

Рота отужинала! Дежурная смена, заступающая в ночь на боевое дежурство, строилась в центральном проходе казармы. Свободные от смены занимались своими делами и готовились к вечерней поверке и отбою. Новенькие ходили по казарме и знакомились с нею от самого входа и до последней двери, где она заканчивалась, где им жить целых два года. Интерьер строгий, армейский и ничего лишнего: комната для умывания, там же и курилка. Оружейная комната: с автоматами для личного состава, пистолетами – для офицерского состава и прапорщиков, крупнокалиберный пулемёт ДШК и ящики с боеприпасами. Спальный отсек с кроватями в два яруса находился в левой стороне казармы. В противоположной стороне помещения находился спортивный уголок: турник, брусья, штанга, пара гирь и спортивный мягкий мат. Ленинская комната (это обязательный, «святой» атрибут даже самого малого подразделения в Советской армии). Канцелярия командира роты находилась в конце казармы. Также, имелась прачечная комната и комната для хранения солдатского имущества, так называемая, каптёрка. Медицинскому пункту отводилась площадь два на три квадратных метра. В солдатскую столовую вход был отдельный.

Козырев одиноко сидел на табуретке у своей кровати и думал о прошедшем дне. Четверо новеньких, с которыми он

сегодня прилетел, сидели кружком и о чём-то тихо переговаривались. Всем пятерым сейчас было совсем неуютно в этом армейском обществе, в которое им предстоит влиться и стать единым костяком, доверится этому обществу, и чтобы общество доверяло тебе. Это не так легко и не всегда получается влиться в этот единый, дружный кулак. Проверка «на вшивость», как говорят в народе, проявляется тогда, когда случаются острые, опасные, чрезвычайные ситуации.

– Рота смирно! – прокричал дневальный у тумбочки в конце казармы. Было слышно, как докладывал сержант, дежурный по роте. Дембеля (деды), лежащие на кроватях с опущенными ногами в сапогах, быстро вскочили на ноги, когда услышали в докладе дежурного: «Товарищ капитан...». Командир роты редко появлялся во время отбоя в роте. Дембеля, которые начинали считать дни, когда они сядут в вертолёт и покинут эту безлюдную полосу суши, больше всего боялись страшных слов командира: «Ты, пропускаешь этот вертолёт!». Так говорил командир дембелю, одетому в парадный мундир и с чемоданом в руке. Следующая вертушка могла прилететь через месяц, а то и дольше. Это было наказание ему, а за что, он и сам знал.

С командиром прибыл и старшина роты. Роту построили чуть раньше до вечерней поверки.

– Подравняться, подравняться, – командовал старшина.

– Рота, равняйся! Смирно! Товарищ капитан, рота по вашему приказанию построена! Старшина роты прапорщик

Сидорчик!

Команду «Вольно» командир не дал, он внимательно осмотрел строй, и приняв строевую стойку, скомандовал:

– Рядовой Козырев, – наступила пауза безмолвия, командир ждал. Кто-то из «дедов» дал незаметный тычок отрешённо стоящему новичку, после которого Костя громко заорал:

– «Я!».

– Выйти из строя на два шага!

– Есть! – Костя с большим волнением, скованно, сделал два шага вперёд и, качнувшись, неуклюже, сделал поворот кругом, стал лицом перед строем.

– За проявленную солдатскую смекалку в спасении домашнего животного рядовому Козыреву объявляю благодарность! – громко объявил командир. Опять пауза..., но быстро сообразив, новенький, громким голосом, произнёс:

– «Служу Советскому Союзу!».

Командир достал листок и перечислил фамилии вновь прибывших, представив личному составу новое пополнение, которое вливалось в воинский коллектив роты из тридцати пяти человек.

Заснул Козырев далеко за полночь. Усталость не поддавалась сну, а голова наполнялась воспоминаниями.

«Хм...! Первая благодарность, и в первый же день», – усмехнулся Костя. – «И кому обязан...? Свинье! Во как!». И он улетел в далёкие воспоминания, на родную Смоленщину.

Костя жил в Смоленске, в центральном районе, в двухкомнатной квартире с отцом, мамой и младшим братом Петром. Учился в школе хорошо и легко, а вот дисциплина хромала. Уговоры отца и матери уехать в пионерский лагерь, когда наступали школьные каникулы не смогли сломить намерения упрямого сына, он желал всё лето проводить только в деревне, у своей бабули (матери его отца).

Костя деревню любил больше, чем город. Деревенские пацаны научили его ловить рыбу в речке, ездить верхом на лошади без седла, а ночью, сидя у костра, рассказывать страшные истории, кто на что горазд. Рядом паслись на лугу стреноженные кони, фыркали и щипали зелёную траву. Утром, после страшных рассказов, он заходил в свинарник, где работала его бабуля, помогал ей и играл с розовыми поросятами, пока сон не одолевал его. Потом он шёл в деревянную избу и мгновенно засыпал на старой, резной, деревянной кровати (приданное его прабабушки).

Любил Костя эти места Смоленщины, здесь вершилась судьба и история государства Российского: через эти места, через эти речки, наступал Наполеон, а потом, русская армия гнала его этой же дорогой обратно, через эти деревни. Сейчас от многих из них ничего не осталось, одни лишь развалины. Костя побывал в самых жарких местах смоленского сопротивления, которое, как умело, наносило урон, вторгнувшемуся на Русь, Бонапарту. Смоленские крепостные мужики с разных уездов уходили в партизаны и дубинами, топорами

и вилами били иноземных незваных «гостей». В местечках Молево, Иньково, Обухово бережно хранили память о тех временах. Седые старцы, много чего могли рассказать о войне 1812 года, они хранили память, переданную от предков. Костя много читал о родном крае, и, вообще, история сильно его затягивала.

В городе же была совсем другая жизнь. Он был членом дворовой футбольной команды под предводительством Сеньки-Верзила, самого старшего из всех пацанов и хорошего руководителя в организации драк после каждого проведённого матча с другой дворовой командой. Дважды Костик (так называла его мама) попадал в милицию и был поставлен на учёт.

Однажды он пришёл к месту сбора команды хорошо побитым. Не отвечая на вопросы любопытных, юных футболистов, он взял за рукав предводителя и отвёл его далеко в сторону.

– Слышь, Сенька! Научи меня драться в телефонной будке, я в ней крепко схлопотал.

– Понимаю, Костян, наладим и эту работу! – сказал сочувственно Верзила, внимательно, как настоящий спортивный врач, осматривая круглое лицо футболиста, которое пострадало в телефонной будке то ли от кулаков, то ли от трубки?

Костя Козырев перешёл в восьмой класс. Каникулы пролетели так быстро и стремительно, что он не чувствовал, что отдохнул и набрался сил от чистого, деревенского воз-

духа, от прохлады берёзовых рощ, от утренней рыбалки, где еле виден поплавок в густом тумане над тихой гладью воды. У него было ощущение, что он проспал всё лето и, неплохо было бы добавить месяц, другой, а потом уж и за парту сесть. Но сентябрь уже наступил!

Закончились зимние каникулы, восьмиклассники сидели за партами, шёл урок литературы. Дверь класса открылась, и без стука вошла завуч школы, приглашая войти кого-то стоящего за порогом. И вошла она!

Кто-то из пацанов громко присвистнул и в голос: – «Я помню чудное мгновенье...»

– Тишина в классе! – раздался строгий голос учителя.

– Я две минуты отниму у Вас, Нина Петровна, – сказала завуч и взяла девчонку за руку.

– Ребята, в ваш класс поступает новая ученица, она из семьи военного, её папу перевели служить в наш город. Зовут нашу ученицу Антонина Крылова. Хочу, чтобы все вы подружились с ней и приняли в свой коллектив. Надеюсь, так и будет! Не вставайте! – Завуч вытянула вперёд руку с открытой ладонью и быстро зашагала к выходу.

Учительница внимательно просматривала каждый ряд парт, прикидывая, к кому бы посадить новенькую. А она непринуждённо стояла перед классом, который пялил тридцать пар глаз на этот одушевлённый, красивый «предмет», который совершенно не смущался.

Костя нравился девчонкам, он был крепким, хорошо сло-

женным юнцом, задиристым, но не наглым, во всём была своя мера. Ему из его класса приглянулись сразу две девчонки, и он мучительно не мог определиться с выбором, какой же из них дать предпочтение? Весь день ему нравилась только эта, а на другой день уже та! И так любовный маятник шатался туда-сюда, не останавливаясь, это была невыносимая мука, он злился на себя за свою раздвоенность и нерешительность в выборе.

И вот стоит она, третья! Третья, эта новенькая, она и разрешила все душевные проблемы, она остановила маятник. Костя смотрел, как уверенно идёт новенькая к парте, на которую указала Нина Петровна. Короткая стрижка очень шла ей, ни у одной девчонки в классе, не было такой. Густые, каштановые волосы, хорошо гармонировали с синим пиджачком и узкой синей юбочкой с разрезом сзади. Фигура её уже достигла форм настоящей молодой женщины, чего ещё не достигли девчонки в классе. Костя эти формы новой ученицы заметил невольно, не напрягая глаз и ни с кем не сравнивая, это заметили и все пацаны класса.

Шли обычные будни учёбы в школе. Прозвенел звонок на большую перемену, из классов шумно вылетали мальчишки и девчонки, заполняя длинный школьный коридор. Антонина (Тося) Крылова шла по коридору в сторону буфета, поравнявшись с дверью 10-б класса, она очутилась в объятиях наглого десятиклассника. Он долго её удерживал, пока она не освободила руку и дала хорошую пощёчину борзо-

му хаму. Тот сделал попытку снова схватить её.

Костя слышал шлепок по щеке, он шёл в ту же сторону. Когда же обнаглевший школяр-выпускник снова схватил Крылову выше локтя и тянул на себя, Костя был уже рядом.

– Отпусти локоть! – угрожающе сказал он.

– Чё, эт ты мне, фраер?!

– Тебе, блеющий баран! – Костя отодвинул Тосю и плечом двинул в грудь десятиклассника. – Это был вызов!

– Ты..ы...! Морда восьминогая, идём, я тебя до первоклашки опущу, с начальной азбуки начнёшь, пятёрышник!

– Пошли, рожа двоешная, и без свидетелей! – ответил Костя. – Туда пошли! – Костя головой кивнул в обратную сторону, там находился туалет для мальчиков.

Тося схватила руку Кости и быстро заговорила:

– Не надо, я ему ответила!

Костя, молча, освободил руку и повернулся к наглой, улыбающейся роже: – Так идёшь, десятипудовый бэшник?! – он кивнул на классную дверь с табличкой.

– Пошли, пошли! А ты дня три не жди его, твой фраер лизать раны будет, если живой останется, – оглядываясь на ходу, сказал наглый десятиклассник растерянной Тосе.

Они зашли в туалет, улыбка наглеца не исчезала с его лица. Еле сдерживая себя, Костя открыл дверцу кабины и грубо толкнул его туда. На полголовы выше и совсем не хилого десятиклассника Костя сразу прижал в угол.

Все, кто был свидетелем этой перебранки восьмиклассни-

ка с десятиклассником, стояли в коридоре, Тося была с ними. Костя вышел из туалетной комнаты один. Он отделал старшекласника так, как его когда-то отделали в телефонной будке. Пацаны нашли пострадавшего сидящим на унитаза. Умыв там же водой и дождавшись звонка на урок, по пустому коридору его увели в медпункт.

После такого поступка Тося Крылова начала втайне приглядываться к коренастому, среднего роста крепышу, который хорошо отделал старшекласника. Но на этом дело само собой не утряслось, после того, как Костя намылил шею десятикласснику в тесной кабине туалета.

Костик занимался уборкой класса, когда услышал короткий свист – в дверях стоял тот верзила из десятого «б». Верзила кивком дал знать: «выходи!». Костя оставил швабру с намотанной тряпкой и спокойно пошёл к дверям.

В коридоре, кроме верзилы, прижавшись к стене, стояли ещё трое. Не раздумывая, Костя ударил верзиле в пах и без оглядки рванул по коридору что есть духу. Сзади слышен был топот башмаков, за ним гнались.

Костя рванул ручку двери, дверь была закрыта. Пробежал ещё две двери, и только следующая была не запертой. Вбежав в класс, кинулся к окну и открыл его. Он стоял уже на подоконнике, когда трое появились в дверях. Костя прыгнул со второго этажа, не глядя, что там внизу.

Приземлившись, ощутил резкую боль в левой ноге и потерял сознание. Прохожие вызвали неотложку. Сверху, из от-

крытого окна школьного класса, четыре здоровых пацана равнодушно смотрели на лежащего внизу Костю.

6

Первые дни пятеро новичков чувствовали себя спокойно и даже свободно. Уходили на техническую позицию, забирались в длинные кабины на колёсах – кунги, (кабина универсальная, наземная, герметичная), где тренировались считать воздушные цели с индикаторов кругового обзора (ИКО), представляющих собой экран телевизора, только круглый и оранжевого цвета.

Работающая радиолокационная станция излучает через антенну в воздушное пространство мощные электромагнитные импульсы. Эти импульсы отражаются от летящих самолётов, вертолётов и снова попадают на решётчатую антенну, а через приёмное устройство, усиленные и преобразованные отражённые сигналы проявляются на круглых экранах «телевизоров». И все эти воздушные цели на экране появляются в виде ползающих белых «червячков» (так называемых опарышей, рыбак знает их очень хорошо, в лицо!). Задача оператора – точно выдать координаты (азимут и дальность) каждой обнаруженной воздушной цели (т.е. этих ползающих червячков) и определить, чей это самолёт, свой или чужой! Определяется свой он или это противник, с помощью специальной аппаратуры – наземного радиолокационного запросчика (НРЗ). И пока цели видны на экране, оператор обязан непрерывно выдавать на командный пункт роты координаты

этих целей.

На командном пункте также имеется индикатор кругового обзора, только выносной (ВИКО). С него оператор считывает воздушные цели на планшет – это огромное по размеру органическое стекло, квадратной формы. За стеклом стоит (сидит) планшетист в наушниках, он принимает каждую минуту координаты целей от оператора и фломастером наносит точки на прозрачное стекло, соединяя эти точки чёрточками. Таким образом, на стекле вырисовывается трасса, откуда самолёт вылетел и куда летит.

В этом заключалась работа операторов РЛС, от которых требовалось большое внимание, точная выдача данных о каждой цели, и своевременное их обнаружение. Попросту говоря, это работа воздушных пограничников! Занятия с операторами проводил начальник станции или его помощник начальник смены. Электромеханики осваивали свою науку, изучая дизельный агрегат – АД-30, работающий на соляре. От этих агрегатов зависела вся жизнь людей и боевая работа подразделения на этом диком мысе. Они (агрегаты питания) непрерывно подавали электричество на радиолокационные станции, в солдатскую казарму и в дома офицеров.

Старики (деды) в любом роде войск, никогда не оставляют салаг (молодых) в покое до своей демобилизации. Говорить, что это так сплошь и везде по всей армии, будет неправильно. Но это – факт! В той или иной степени, дедовщина существует во всех армиях мира, в том числе и в советской.

В нашей армии её не поощряют и борются с нею всеми методами, не переступая закон, конечно. И это тоже не всегда так! Никакую армию мира, нельзя поставить в пример другим, как образцовую, образцовых армий не бывает, чтобы соблюдать каждую строку воинских уставов. Ничего идеального нет в армейской службе, особенно в работе с личным составом. Но в стремлении каждого командира и начальника, желающего твёрдо идти вверх по служебной лестнице, первостепенной задачей является воинская дисциплина, от которой зависит весь процесс работы вверенного ему подразделения.

По всему периметру огромной территории Советского Союза разбросаны радиолокационные «точки» для создания сплошного радиолокационного поля, невидимого «купола» над Великой страной!

Эти радиолокационные роты, стоящие в самых удалённых местах сухопутной границы СССР, оторваны от цивилизации на многие и многие километры. В этих глухих местах нет столбов с проводами, а значит нет электричества и телефонной связи, только морзянкой, точками с тире..., радист ключом стучит, передавая координаты воздушных целей, только ключом стучит о несчастье или болезни, срочно вызывая спасательный вертолёт, который никогда не прилетит, как городская скорая помощь за минуты, здесь часы пройдут, если повезёт с погодой, а то и дни.

Эти «точки», с их живыми обитателями на самых изогну-

тых частях пограничной сухопутной периферии, не имеют возможности смотреть телевизор и слушать радио. Вместо магазина – продовольственный склад, который каждый год с корабля в навигацию пополняется продуктами для выживания. В этих точках люди в форме и маленькие детишки не видят овощей и фруктов, свежего мяса, молока или творога.

Здесь еда в банках, всё законсервировано, картошка, лук – сушёные, свежий чеснок долго не сохранить. Из бытовой техники ничего, ни стиральных машин, ни холодильников. Здесь на самодельных электроплитках жёны офицеров и молодые холостяки варят первое, второе и третье из сухофруктов. Зимой печка, у которой надо не один час сидеть, подкладывая дрова или уголь, которые коптят, и сажа, когда ветер задувает в трубу, чёрным снежком покрывает убогое жилище, состоящее из одной комнаты и кухни.

Холостяки в зимнюю пору переходили в одну «квартиру», чтобы кто-то вечером был свободен и обеспечил теплом товарища, который на целые сутки заступил на боевое дежурство на командном пункте или сидит на своей РЛС, которая вышла из строя. Сильнейшие ветра не дают дыму выйти из трубы, и всё ползёт обратно в жилую комнату. Ух, как же было весело зимними вечерами под свист ветра, отмахиваться от копоти и летящей сажи «веером» типа фанеры (крышки от когда-то присланной посылки).

Но все офицеры, их жёны, не имеющие человеческого

комфорта для нормальной жизни, солдаты, все они стойко переносили эти тяготы и лишения. Солдат терпел два года, офицеры три. Офицерам каждый год засчитывался за два. Отслужив три года, он имел право подать прошение на четвёртый год, и такие были. В этом подразделении, за время службы Сурина на мысе Нурки, на продление срока службы никто из офицеров рапорта не подал.

Козырев перевернулся на другой бок и, уже засыпая, услышал тихий голос.

– Э-э-э! Вставай, дух! Тряпка, швабр, вёдр там в углу. Пол мить начинай, я проверь. Вставай!

Костя открыл глаза, перед ним вырисовывался силуэт задницы в штанах, которая будила новенького, рядового Халилова, электромеханика. Халилов усердно тёр глаза, чтобы окончательно проснуться и начал одеваться.

«Это уже третий из самых „молодых“, которые моют полы за „дедов“ и не только полы, а делают, что прикажут», – подсчитал Костя.

Дедов редко, но ставили в наряд, как и всех, чтобы службу не забывали. В основном они несли боевое дежурство. Халилов послушно поплёлся в конец коридора, где его поджидал грузинский «дед» Гоги Дубадзе, тоже электромеханик, только из другого расчёта РЛС.

«Сволочная морда, наглость так прёт, что и без очков видно! Будет на меня вот так экать, когда очередь дойдёт, пошлю его на х...! Кому, кому, а ему, во!», – Костя, скрестив

две руки, сделал фигуру, которая всем понятна без слов. Сон не шёл, а до подъёма оставалось ещё два часа.

Шёл второй месяц, как привезли вертолётном пополнение из пятерых молодых новобранцев.

– Я «Плита-48, я Плита-48, борт, идущий по курсу Аян-Алдома, прошу на связь! – в микрофон по громкоговорящей связи запросил, обнаруженную маловысотную цель, оперативный дежурный командного пункта лейтенант Сурин.

– Плита-48, вас слышу! Иду на посадку к вам в Нурки! На борту почта и ваш офицер. Приём!

Через пятнадцать минут вертолёт приземлился. После полной остановки винтов из него вышел замполит с семьёй, а бойцы принялись выгружать долгожданную почту.

Отдохнувший и загоревший после отпуска замполит был бодр и готовился к политинформации, перебирая свежие газеты, из которых выписывал в конспект важные события, происходящие на мировой арене.

В понедельник, собрав максимум личного состава, старший лейтенант Белкин дал команду завести всех в ленинскую комнату на политинформацию.

Бойцы слушали замполита по-разному: одни очень даже внимательно, другие отрешённо, безо всякого интереса, что там творится за широкими, глубокими океанами, кто с кем дерётся и кто такой тот негр, за которого полмира: орут «Свободу...!», и сами же попадают в тюремные застенки капиталистического мира.

Через полчаса трое слушали замполита уже стоя. После

ночного дежурства многие клевали носами, и Белкин, без предупреждений, поднимал их со стульев.

По понедельникам, так заведено, всегда проводилась политинформация, и тому не повезло, кто после ночного дежурства, потому что спать ему отводилось на час меньше.

Козырев слушал замполита и смотрел на стоящих, моргающих сонными глазами, и его это раздражало до болезненного состояния. Подсознательно он понимал, что информация необходима, чтобы знать, что в мире делается. Его раздражало то, как ведёт эту информацию замполит. Почему он не сделал никому первого замечания, а сразу всех в стойку поставил?

«И почему Гоги Дубадзе не стоит? Вон, как клювом горбатым клюёт, а ведь замполит его видит». Козырев крутил головой и ему стало нестерпимо скучно. Его раздражал сам замполит Белкин с того самого момента, когда увидел его, улетающего в отпуск. И сейчас на занятиях он убедился в своей нерасположенности к этому человеку.

«Холёное лицо, высокий рост, с таким ростом, невольно смотришь свысока на всех, кто ниже тебя, а он здесь самый длинный столб, на голову выше всех. „Столбовой дворянин!“, – по-моему, лучше и не придумать. Да не в росте дело, он солдат одной меркой мерит. Все мы для него оловянные. Вот командир, страшен в гневе, а совсем другой – отец с ремнём, а пряник в кармане имеет. И офицеры с прапорами разные, конечно, но с замполитом никто рядом не сто-

ит», – так дал характеристику старшему лейтенанту Белкину рядовой Козырев.

– Товарищ солдат! Я Вам, солдат, да, да, который скулу на кулак положил! Козырев, не глядя на замполита, поймал себя на том, что это он подпирает рукой собственную скулу и совсем не слушает, что тот говорит.

– Встать!

Козырев закрутил головой, кого это он сейчас в стойку ставить будет?

– Я Вам! – глаза замполита и Кости встретились. Отодвигая с шумом стул, Козырев поднялся.

– Фамилия?

– Чья, моя!

– Ваша, Ваша! – замполит зло сверлил глазами, предчувствуя, с кем придётся иметь дело полных два года, без нескольких недель.

– Козырев, рядовой я, Константин Иванович, из смоленских мы, 1958 года от рождества Христова! – громко доложил Костя. Ещё в Охотске, он посмотрел комедию Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», ему очень понравился эпизод, когда царя загребли в милицию.

«Деды» заёрзали стульями, заулыбались, кто-то в полголоса добавил:

– Борзит «дух» смоленский!

Было видно, как молча проглотил замполит невинную, казалось бы, шутливую пилюлю. Но эта невинность дозволена

на гражданке, а молодой борзой ещё далёк был от армейских правил поведения.

– После занятий ко мне, в канцелярию! – спокойным голосом сказал Белкин. – Садитесь!

Козырев сел.

– Отставить! – голос замполита издал ноты раздражения. Костя поднялся.

– Согласно уставу, товарищ солдат, прежде чем сесть, что-то говорят. Садитесь! – громко скомандовал Белкин.

– Есть! – ответил Козырев и сел на стул. Сидящий рядом рядовой Исаев, незаметно положил Косте на колени газету и, подмигнув, ткнул пальцем в одну строчку.

В газетной колонке он не сумел быстро прочитать слово, на которое указал его дружок. Наконец, по слогам заучил его и, сев на газету, высоко поднял руку.

– В чём дело?

– Я по существу! Так сказать, по существенному ходу идущего мероприятия. Разрешите вопрос, товарищ старший лейтенант?

– Вопросы после окончания информации, – резко ответил замполит.

– ... Вот в этом и заключается негативное поведение некоторых государств империалистического мира по отношению к государствам социалистического лагеря! – Белкин закрыл конспект. – На этом политинформация закончена, товарищи. У кого какие имеются вопросы по данной теме?

– Нет вопросов! – пробасил кто-то из дембелей.

– Нет, нет, есть вопрос и по существу. – Козырев встал, и широким размахом руки, провёл ею по всей ленинской комнате. – Товарищ старший лейтенант, народ, я имею в виду наш личный состав, желает знать, что за слово такое влилось в наш чистый, русский язык. Мы тут с товарищами на досуге посовещались, когда читали прэссу и порешили, что это слово ругательное и никак не клеится в наш чистый, русский словарь.

– Назовите слово, – сказал замполит.

– Вслух?

– Да, вслух!

– Плю..., плю..., «Плюрализм!», вот! Поясните, товарищ старший лейтенант. Народ желает знать, то есть личный состав, виноват!

«Да он издевается, гадёныш! – замполит не изменил позы, стоял, как и прежде. – И где только отковырял словцо это, необходимо всю свежую прессу проштудировать досконально, а может, выдумал ...?»

– Встать! Десять минут на перекур и приготовиться к построению.

– Ну а как же это плевательное...?

– Закрой рот, товарищ солдат, и шагом марш в канцелярию, я тебе там все слова объясню!

Солдаты шумно, со смехом выходили из комнаты, кто шёл курить, кто просто пошататься по казарме, а Козырев целый

час не выходил из канцелярии.

Воскресенье! Офицеры и прапорщики занимались своими делами: кто на охоту пошёл на уток, кто с «дембельской» скалы ловил морского окуня, камбалу или выюна, кто отсыпался, а кто прямо за домом просто загорал. День был солнечный и безветренный.

С утра старшина покрутился с полчаса в казарме и отправился домой, во второй ДОС. Расстояние между двумя офицерскими домами почти триста метров, ближе не поставили, мешали огромные валуны, ямы да канавы.

Солдаты обедали. Небольшая столовая вмещала пять длинных столов, каждый на восемь человек, по четыре едока с каждой стороны. Бойцы сидели на длинных деревянных лавках и работали ложками.

Козырев доел макароны с тушёнкой и положил алюминиевую миску на стоящую горкой пустую посуду в конце стола. На одной лавке расположились четыре «дембеля». Напротив, сидели три молодых «духа». Один из них придвинул поднос с киселём в центр стола. Костя взял кружку зелёного цвета и сделал первый глоток тёплого, густого киселя из концентратов.

– Ээ... дух! Кисэль даай!

Костя возненавидел это «Ээ...!» с того самого момента, когда грузинский «дед» будил ночью молодого, посылая мыть полы за себя. Стиснув зубы, Костя взял кружку на подносе и протянул Дубадзе.

– Нээт...! Бэлый кружка дай! – «деды» довольные улыба-
лись, прихлёбывая из кружек яблочный кисель. Костя поло-
жил кружку на поднос, взял белую, эмалированную и под-
нялся с лавки.

– Ннаа...! – полная кружка густого концентрата залепила
наглуую рожу горца.

В столовой наступила тишина. Первым из «дедов» от та-
кой наглой атаки молодого «духа» очухался рыжеволосый,
облепленный веснушками рядовой Пантюхин. Остальные
«деды» просто очумели от столь вызывающе наглой выход-
ки молодого смоленского салаги. Чтобы удержать авторитет
дембелей, не думая о последствиях, Пантюхин ударил Козы-
рева в левую скулу. Удар был несильный, но деревянная лав-
ка не дала сделать шаг назад, и Костя повалился через неё
на пол. Пантюхин снова опустился на лавку, никто в столо-
вой не встал.

Козырев поднялся, левая скула горела, а из края губы со-
чилась кровь. Он вытер её ладонью и подошёл к столу, пре-
зрительно улыбаясь, без страха в глазах.

– Ты какой кысэл кочешь, а ты какой, тьебэ тожэ кружка
бэлый дать? «Ээ...!», – он тыкал в каждого пальцем. «Деды»
уже пришли в себя, и Костя знал, что сейчас будет, но ему
было в этот момент плевать на всё!

– Да нна-а..., хлебайте! – он крепко схватился за крыш-
ку стола, и с силой опрокинул его на «дедов». Дембеля ле-
жали на полу в липком киселе. Молодой смоленский «дух»

не успокоился, он согнал молодых со скамейки, поднял её над головой и с высоты швырнул на ползающих в скользкой жиже «стариков». Деревянная лавка, грязные миски с ложками, две тяжёлые кастрюли с остатками супа и каши и, в добавок, ещё кисель, хорошо наставили шишек четырём дембелям.

Козырев пришёл в себя только тогда, когда его крепко держали за руки, а два сержанта и «черпаки» стояли между ним и обескураженными «дедами». Дневальный, по приказу старшего сержанта, крутил ручку телефонного аппарата, чтобы доложить командиру о происшествии в роте, скрыть которое было невозможно, всё вырисовывалось на лицах «дедов» и борзого молодого «духа» на их одежде и сломанной скамейке!

Командир отдельной радиолокационной роты капитан Залеский Алексей Александрович прикуривал вторую сигарету подряд. Лицо его было крайне напряжённым и даже раздражённым. Напротив, сидел его замполит старший лейтенант Белкин. Они сидели в маленькой канцелярии роты, каждый за своим столом. Стол командира стоял вдоль окна, а рабочий стол замполита, упирался торцом в командирский стол, получалась большая буква «Т». Вдоль стены стояло шесть стульев, на противоположной стене висел портрет Л.И.Брежнева, политическая карта мира, а также расписание занятий и распорядок дня для личного состава. Оба молчали! Похоже, между командиром и замполитом произошёл серьёзный разговор. Час назад вертолёт взял на борт троих: лейтенанта-отпускника и двух бойцов – рядовых Пантюхина и Козырева, которые летели на гауптвахту.

– Почему же ты, Юрий Николаевич, не пристыдил так рьяно и Дубадзе на общем собрании роты? Ну драчунов, я согласен, пропесочил как следует! А всё же, затейник главный кто? Я смолчал, ещё не хватало нам с тобою детали выяснять при личном составе. Ты вёл собрание, лекарь душ человеческих, а рота проголосовала в угоду тебе. Никто и рта не открыл назвать ещё одного, по фамилии Дубадзе! Боятся «дедов»! Необходимо этим старикам больше внимания уделить,

не выпускать из виду их будни и выходные дни. Всё правильно, я о собрании, всё по правилам ведения, всё по протоколу, всё без изъяснов. Ну, а всё-таки, а...? Юрий Николаевич...? Я не раз замечаю, он даже лебезит перед тобой, этот Дубадзе. Ты не обижайся, давай уж разберём эту драку до конца. Я не вмешивался в твоё ведение собрания только потому, я уже повторяюсь, чтобы сохранить авторитет замполита, твоё положение. Не хватало ещё, чтобы рота видела, как мы тянем драчуна каждый на себя, ты в тюрьму, а я на свободу. В этой ситуации и Дубадзе заслужил лететь вместе с ними. Но твоими глазами, он этого не заслужил, он рук не распускал. Козырев – не Пантюхин и не Дубадзе, Козырев другой, присмотришь к нему!

– Никто передо мною не лебезит, я со всеми одинаков, Алексей Александрович, – Белкин крутил в руках шариковую ручку и, не поднимая головы, продолжал вести разговор с командиром, отстаивая свою точку зрения, и не только в этой драке, но и вообще, на служебные обязанности, следуя армейским правилам согласно уставу.

– Ты, Юрий Николаевич, насколько помню, Питерское училище заканчивал?

– Да! Высшее военно-политическое училище ПВО страны! – сказал замполит, поднимая голову. – А что?

– Да ничего! И закончил с отличием, угадал?

– С отличием, а что? – Белкин смотрел на командира и ждал очередного вопроса.

– И наверняка у вас была такая дисциплина, как военная педагогика и психология, и я уверен, в расширенном масштабе, по отношению к военным вузам другого профиля, где и мы, не политработники, тоже изучаем азы, конечно, но всё же! Как тебя сюда, в дыру эту, каким ветром занесло? Отец, мать, тоже в Москве живут?

– В Москве!

– А отец кем и мама...?

– Отец полковник, в политотделе место имеет, через полтора года на пенсию собирается. Мать – музейный работник, – отвечал нехотя Белкин.

– Так у тебя Лена, кажется, тоже в музее работала?

– Работала! Там и познакомились. У меня с отцом, после окончания школы, большие разногласия о дальнейшей моей жизни появились, и я в Ленинград поехал поступать.

– Понятно! – Алексей Александрович вытянул сигарету из пачки. – Вам, в училище вашем, кто-нибудь из преподавателей говорил такие избитые слова, как: «В войсках всё поймёшь, в войсках и доучишься!»

– Что-то не припоминаю таких слов от них, но слышал о таком армейском назидании.

– Ты после выпуска, сколько уже в войсках?

– Четыре года!

– О-о, четыре! Это уже не год, и не два, и возраст – двадцать шесть полных, – сказал Залеский. – Ты, Юра, с Козыревым разговаривал? Откуда, куда, зачем, интересовался?

Кто, родитель его, кем был, кем стать он хочет после армии? Вопросов много можно задать, не тебя, политработника, мне учить. Устав, уставом, а ты и собственный выработывай, свой устав, не переча основному. Ориентируйся на местности, на нашей голой, безлюдной местности, с трёх сторон вода, с четвёртой тайга с медведями. Солдат дичает за два года, что он здесь видит?

– А мы! Что мы видим? Жёны наши, двое детишек здесь, что мы здесь видим, командир? – страстно заговорил замполит.

– Ты здесь как..., по собственной воле или сослали? – встречным вопросом остановил Белкина командир.

– По собственной! Крепко поругался с отцом и попросил его, чтобы посодействовал подальше удалиться от московской жизни.

– Он и посодействовал? – спросил Залеский.

– Посодействовал!

– Молодец! Молодец твой папа – полковник, дай бог ему многие лета на пенсии прожить!

– Спасибо, передам! – с сарказмом поблагодарил Белкин Залеского, вытянув под столом длинные ноги.

– Запомни, замполит! Солдат – это солдат, а мы – это мы! «Мы – это мы!». Надеюсь, не надо по слогам разъяснять! Когда женился, говорил ей с кем она связывается? Да ещё с таким родом войск, как наш! Когда жена под боком, то и дети, откуда ни возьмись, а появляются, и в самых разных ме-

стах, хоть в пустыне, хоть в тайге. Ты это ей говорил? Я вижу, твоя Лена сторонится общества наших женщин. Вижу-вижу, не спорь! Ты, Юрий Николаевич, когда золотые погоны на плечи цеплял, ты уже тогда, должен был открыть широко глаза! Широко, чтобы далеко видеть, что тебя ждёт там, далеко-далеко, где черта твоего финиша, твоих мытарств, до которой двадцать пять лет ползти. И когда ты её перешагнёшь и снимешь свой китель с медалями, может и с орденами и повесишь его в шкаф, осыпав нафталином, спокойно можешь надевать махровый халат и качаться в кресле с сигарой, курить, я думаю, скорей всего научишься, вся служба ещё впереди. Я уже золотую середину прошёл, а ты, только старт взял, береги «кислород» – дистанция ещё длинная! Вот так-то, Юра, проникай в нужды каждого солдата, что у него дома, чем озабочен на данный момент, сумеешь разговорить его, он откроется, а ты выводы сделаешь, чем дышит этот боец. И так каждого, и сам сделаешь тогда вывод, отстоишь свою точку зрения, в какую статью устава, тыкать «мордой» разгильдяя, если он её заслуживает, статью эту.

Замполит слушал старшего наставника не поднимая головы, сосредоточившись на шариковой ручке, не переставая крутить её в руках.

– Имей в виду, Юра, Козырев действительно, даже со скандалом, просился в десантные войска, когда медкомиссию проходил, говорит, нога подвела. Я с ним немного познакомился, когда он свинью спас.

– Какую свинью, причём здесь свинья? – удивился Белкин.

– Да ты ничего не знаешь! Ну, старшина расскажет, он свидетель всему. Дня через два, три, завоз начнётся с моря, побывай на каждом судне.

– Зачем? – спросил Белкин.

– Посмотришь, какие они фильмы крутят на корабле. Сделаешь обмен, а то наши уже приелись всем. Первым придёт танкер с ГСМ, за ним основной продуктовый!

– Понял, командир! – равнодушно произнёс замполит.

Залеский взял фуражку и вышел из канцелярии, оставив Юрия Николаевича со своими мыслями.

«Козыреву в душу заглянуть! Да кто меня туда пустит? С ним мы карты свои не раскроем. Упрямый он, а я плохой дрессировщик. Плюрализмом швырнул, чем ещё швырнёт? Свиньёй? Десантник несостоявшийся! Из политотдела обязательно кто-то будет, очередная комиссия вот-вот начнёт проверку, разбросанных по всему побережью, подразделений. Надо документацию в порядок привести. Какого чёрта с отцом сцепился? Улетел х... знает куда, ни он, ни мать не найдут ни хрена, дитя своего!» – Белкин ещё долго сидел в глубоких раздумьях, сознательно понимая своим теоретическим складом ума, что командир прав, а как воплотить свои действия в работе с личным составом в практику и воздействовать на них своим примером, он не знал, он не практик!

9

– Здорова, мужики! Бакланы яйца ложуть, хто свободен, завтра на скалы идэмо! – сказал фельдшер роты, подходя к Сурину, Борисову и Долгову. Все трое дымили сигаретами и вели о чём-то жаркий спор на пари. Семён, владеющий русским языком без всякого акцента, любил говорить с мужиками на своём диалекте, надо же, как-то выделяться полтавчанину з Ридной Украины.

– Здоров, Сэмен, разбивай! – сказал Сурин, и Семён Смертин, без лишних вопросов, с размаху шлёпнул по рукам спорщиков. И только потом полюбопытствовал.

– А на що спор, хлопци? На пойло?

– Угадал! Вот стойку хочу сделать на одной руке, хоть на ведре, хоть на стакане, а они сомневаются!

– Да и я, Володя, трохи сомневаюсь. Стойка на стаканэ! Тю-ю...! – сказал прапорщик, пожимая руки лейтенантам Сурину и Борисову, и старшему лейтенанту Долгову.

– Ну, тогда, господа, со всех вас пузырь спиртяги. Уже трое не верят, больше шансов быстрее дожидаться. Кто бы ещё подошёл! – не унимался Сурин, уверяя всех, что сделает стойку и на ведре, и на горшке, в общем везде.

Следующим ранним утром четверо, одетые в грубые солдатские брезентовые плащи с капюшоном, крутились у двух моторных лодок. С вечера с двух офицерских домов и ка-

зармы, были собраны вёдра для сбора чайчьих яиц. Самым опытным по их сбору был фельдшер прапорщик Смертин. Он на этом мысе тянул службу уже пятый год, подписав контракт. Командир дал добро на сбор яиц четверым. Лодки взревели моторами и взяли курс на две, рядом стоящие, скалы под названием «Дунькин пуп!» и «Ванькина плешь!»

Эти красивые скалы без острых вершин были названы в честь Аянского купца плешивого Ваньки и его жены, а может и не жены, Дуньки! Когда-то в далёкие времена, ещё при царе, посёлок Аян процветал. Здесь до революции добывали золото в реке. И кого только тут не было, и американцы тоже, которые какое-то время были полными хозяевами (хорошо платили), пока не свершилась революция. На реке и наши, и чужеземцы «мыли» золото, а после тяжёлых работ кутили на постоялом дворе, хозяином которого был плешивый Ванька, так и прозванный за большую плешь на голове. У Ивана была добротная, крупного сложения жена Авдотья. А называли её просто Дунька, так уж гласит эта легенда!

Ванька ценил Дуньку за её необыкновенный пупок, он был очень глубокий, не как у всех. Вот этот необыкновенный пупок и приносил им большой доход.

Уговор Ваньки со старателями, которым Ванька предоставлял номера постоялого двора, был таков: кто желает иметь роскошную в телесах женщину, тот должен был, перед доступом к телу, насыпать в её пупок золотого песка. Голодные до женского полу мужики соглашались, и таких охотни-

ков набиралось немало. Вот такая легенда об этих двух скалах, рядом стоящих и названных в честь этой пары.

Море слегка «волновалось», моторные лодки прыгали с гребня на гребень вздыбившихся волн. До скал двадцать километров и лодки достигли их через сорок минут. Не доезжая метров триста, заглушили моторы и тихо доплыли на вёслах. По пути решили, кто полезет на скалы собирать, а кто останется внизу принимать вёдра с яйцами.

Лейтенанты Сурин и Дима Борисов были новичками в этом деле. Фельдшер Смертин и заместитель командира роты по технической части старший лейтенант Пасынков Юрий Андреевич бывали не раз на них и, скрывая улыбки, чтобы лейтенанты не насторожились, охотно уступили им верхние места на скалах. Лейтенанты первый год здесь и всё им было в диковинку в этих необжитых местах красивого дальневосточного края.

Скалы только над водой казались изящными, а под водой они скрывали свои размеры. У самого подножия можно свободно было ходить в высоких резиновых болотниках. Пасынков с Борисовым пошли к Дунькиной скале, а Смертин с Суриным остались у Ванькиной плещи.

Фельдшер Семён показал самый удобный пологий склон скалы, где можно забраться на вершину. Сурин привязал к руке верёвку и начал восхождение.

Взлетела с криком чайка из уступа каменной горы, а чуть выше вторая, третья...! До верха ещё метров пять. Спе-

шить и отвлекаться нельзя, сорвёшься и двадцать метров свободного полёта обеспечено! Чаек становилось всё больше и больше, крик их быстро нарастал. Наконец, Сурин достиг так называемой вершины! Но это была совсем не вершина, а плато, где гнездились птицы. Воздух засвистел над его головой – не одна сотня огромных белых чаек с сероватыми крыльями взлетали вверх, рассекая утренний, влажный воздух.

– Оо... ё... мать! – с Дунькиной горы послышался громкий мат Димки Борисова.

– Что с ним, не сорвался бы? Вроде не орёт больше, – вслушивался Сурин. – Ну б...! Блин...! – заголосил матом и он сам Вовка Сурин, почувствовав, как что-то тяжелое ударило по его фуражке. Снизу донёсся смех фельдшера, а подальше и зампотех роты ржал. Сурин поднял фуражку, не понимая, чем же её сбили. Край фуражки был в грязно-белом дерьме чайки, сброшенном с большой высоты.

– Бл...! – и снова удар, только теперь вскользь и по щеке, когда он задрал голову. И снова удар по наружной стороне ладони аж брызги полетели. Шлепок по плечу, и такой тяжёлый, и опять в фуражку, прямо внутрь попало, когда он начал её стряхивать. Едкий запах дерьма стал забивать нос. Это была атака только первого эшелона. Отметавшись дерьмовыми снарядами, чайки уступали место следующей говнометательной эскадрилье.

Только сейчас дошло: сзади же капюшон! Сурин немедля

задрал его наверх и успел, тяжёлая лепёшка ударила прямо в темя.

– Эй вы там, наверху...! Володя! – скидовой вниз верёвку, ведро цеплять буду! – громко прокричал Смертин. И началась работа! Сурин скинул верёвку с самой отвесной, вертикальной стороны скалы, откуда доносился голос напарника. Смертин привязал конец верёвки к дужке ведра и дал знак «вира!». – Поднимай!

Чаячьих гнёзд было много. В каждом по три яйца размером с гусиное. Попадались гнёзда с четырьмя и с двумя яйцами, но редко. Яйца имели цвет зелёной травы, только не как после росы, яркие, чистые, а как после разнесённой ветром пыли. И ещё эта зелёная, матовая скорлупа была утыкана чёрными пятнышками разного размера, будто художник проверял кончиком кисти густоту краски.

Сурин здесь, на Ванькиной, а на Дунькиной скале Борисов, опускали вниз ведра с набранными яйцами, оставляя в каждом гнезде по яйцу. Пасынков и Смертин принимали их, развязывая узлы и привязывали приготовленные пустые ведра. Процесс сбора продолжался.

Чайки непрерывно кричали и кружились над скалами. Некоторые опускались так низко, что видно было под их жёлтым клювом красное пятно. Ощущение было такое, что чайка шлёпнет своими крылами по твоим щекам или долбанёт клювом в лоб, когда залетала спереди.

– Да сколько ж можно срать! – очередная порция зашлё-

пала по брезентовому плащу. Сурин переборол искушение и не полез в карман за сигаретой, всё равно не дадут спокойно насладиться дымом. Внизу фельдшер и Пасынков тоже матерились, и их чайки не обидели хорошими порциями. Лёжа на животе и осторожно опуская полное ведро, Сурин слышал глухое, откуда-то из глубины скалы уханье. Стало даже не по себе! Подняв пустое ведро наверх, с левой стороны, где край скалы поднимался на верх ступенями, в каменных щелях, в траве, он увидел что-то похожее на норы, оттуда исходили жутковатые, глубинные звуки, будто из преисподней.

– Володя, харэ, заканчиваем, «вынос» идёт! – прокричал снизу Смертин. Действительно, солнце скрылось в облаках, и горизонт посерел, размылся и стал непрозрачным. Местные, когда погода начинает портиться, называют это «выносом». Он несёт туман, резкие порывы ветра и шторм на море возникает так внезапно, достигая такой мощи, что не каждый сумеет описать его словами.

– Сэмен, менэ достойно обосрали летаки сизокрылые, я там, на вершине тилькы, зразумив, чёму ты з Юркой не полиз туда! – подражая Семёну, на украинский манер, сказал Сурин.

– Наився гимна, Володя? – улыбался хитрый фельдшер.

– Наився! И сам, чуть было не обделался! Кто так ухаёт в норах в каменных трещинах, аж жуть берёт?

– Та и я, нэ всрався чуть было, колы впервой на верху по-

бував. Мэни глаз тоды залэплэло гимно це ядовыто горазд, воду во фляге наверх пиднялы, спас моргало! В тих норах нэ яка там выхухоль подземна, це топорки, птахи таки, с носом тупым и красным, воны и ухають! За три года, Володя, много чого побачишь, – Семён говорил и поглядывал в серое небо. – В туман бы не попасть! – промелькнуло у него в голове.

– Упэрэд! – Сурин немного знал и понимал украинский язык. И Полтаву знал, откуда родом Семён Смертин. Отец Сурина был военным и прослужил под Полтавой, в километре от городской черты, четыре года.

Добрались до расположения части без приключений и потерь. Командир и кто был на берегу, от души посмеялись, глядя на прибывших с трофеями в шести вёдрах. По распоряжению командира четыре ведра были отданы в солдатскую столовую, а два ведра поделены по количеству ртов среди офицеров, прапорщиков, жён и детей.

Добравшись до своей «норы», так называл Сурин своё холостяцкое жильё, он сразу рухнул в койку, чтобы пару часов отдохнуть. Сильно мучил голод, но усталость взяла верх, и он заснул.

Был уже восьмой час вечера, Сурин посмотрел в окно, из него хорошо видна бухта, было пасмурно, но шторм так и не разыгрался. Он включил самодельную электроплитку и поставил большую сковороду, положив туда животный комбижир. Налил воды в ведро, где было полтора десятка

яиц. Ни одно яйцо не всплыло, значит можно жарить яичницу.

Стукнув по зелёной скорлупе ножом, запустил яйцо в сковороду и туда же плюхнул второе. Взаяся за третье и отложил, дно сковороды всё покрылось толстым слоем. Лейтенант смотрел, как жарится его яичница, но голод куда-то исчез! Ему навязчиво в глаза лезла скальная картина: то, чем его бомбили чайки целых два часа и по «шляпе» дали, и пощёчину нанесли, и по рукам надавали, и куда только не насрали, и в душу тоже.

– Наверно поделом, если в горло не лезет! Не шарь руками по чужим «домам», – вслух проговорил Сурин. Он взял ведро и понёс его соседу, старшему лейтенанту Паше Долгову. Жена его Галя с радостью приняла чёртову дюжину зелёных, похожих на боевую гранату «лимонка», яиц. Он не решился сейчас объяснять соседям свой щедрый поступок, они ещё тоже не ужинали. Он завтра в деталях объяснит Паше, что если тот захочет жарких, ярких впечатлений, то пусть съездит в гости к плешивому Ваньке и безотказной Дуньке, они там щедро белым золотом «угощают!».

Сурин сидел на кровати и курил, непривычная тишина в маленькой комнате холостяка, окружала его со всех сторон. Скучотища! Небольшой квадратный стол стоял у окна, рядом с кроватью. На столе старый приёмник шестидесятих годов в рабочем состоянии стоял как бесполезная вещь, он только «хрипел» и посвистывал. В этих местах ловить радиоволну было бесполезно. За окном уже темно, спать ещё рано, а читать неохота.

«Надо братухе написать письмо, как я тут и как он там на Командорских островах. И повод есть рассказать, как за яйцами с мужиками сплавали. Месяца два, как не писал ему, заодно и узнать, какие дела у него на любовном фронте? Ведь он сделал предложение девушке на палубе океанского лайнера „Советский Союз“, бывшее название которого „Адольф Гитлер“, ставшего трофеем СССР. Четверо суток добирался старший брат на трофейном лайнере из Владивостока до Командор. И в этом бескрайнем Тихом океане, на огромном пароходе, он встретил свою судьбу!», – подумал Владимир, прислонился спиной к стене, а ноги положил на стул, так удобнее было помечтать и предаться воспоминаниям прошедших двух лет.

У Володьки Сурина был родной брат, и не просто брат, а брат-близнец, родившийся на пятнадцать минут раньше

его. То, что схожесть их была идеальной, нельзя сказать, так не бывает, но похожими они были так, что только мать с отцом и родные бабки, да тётки с дядьками могли их различить, да и те, далеко не все. Родила их мать на крайнем севере, на полуострове Ямал. Там же родили ещё три женщины. Из пятерых младенцев выжили только братья близнецы и ещё один, тоже мальчонка – Вовочка Шепилов.

На полуострове Ямал, в районе полярной станции Марре-Сале, в 1952 году корабль высадил в тундру молодых офицеров с жёнами, тридцать солдат, радиолокационные станции, бочки с горючим, палатки и много-много брёвен, из которых за короткое лето нужно было собрать домики для офицеров, баню и казарму на тридцать человек.

Ещё при царе, в 1914 году, сюда завезли первых полярников, изучать климат Арктики. Многие умирали на этой полярной станции, цинга косила людей. И получила эта станция другое название – «Станция смерти!»

Это была первая отдельная радиолокационная рота, воздвигнутая с нуля на мёрзлой земле тундры за короткое время. Отец братьев, Александр Николаевич Сурин прослужил в этой роте, безвылазно (без отпусков) целых четыре года, за что был награждён орденом Красной Звезды и имел право выбрать любое место службы в огромной стране. Он выбрал на Украине город Полтаву, там тепло!

Братья Сурины, Владимир и Александр, пошли по стопам отца, окончив в Сибири (Красноярск) военное училище.

ще ПВО. Только близкие друзья курсанты могли отличить братьев. Командир роты и командиры взводов даже терялись кто из них кто? Братья это поняли и успешно пользовались, один мог сыграть за двоих. О преподавателях училища и говорить нечего, ни один из них не мог угадать, кто сейчас отвечает на вопрос – Владимир или Александр?

Перед государственными экзаменами необходимо было сдавать зачёты, чтобы выявить кандидатов на красный диплом.

Во время сдачи зачёта по истории военного искусства старший брат оказался в госпитале. Перед сдачей преподаватель освободил тех, кто имел стабильные высокие оценки. Младший Владимир был освобождён от сдачи и, чуть подправив чуб, вышел за брата сдать за него зачёт. И успешно сдал! Таким образом, они оба оказались в списке кандидатов потянуть на красный диплом с отличием.

Государственная комиссия по приёму госэкзаменов приехала из Вильнюса во главе с генералом. Братья успешно сдавали экзамены, и старший брат Александр, можно сказать, был уже с красным дипломом, оставалось надеть лейтенантский мундир с золотыми погонами и на плацу, в торжественной обстановке, генерал лично вручит диплом в его руки.

Младшему Сурину не повезло – уплыл его красный с отличием! Владимир закончил ответ на второй вопрос по истории КПСС:

– Товарищ полковник, курсант Сурин на второй вопрос

ответ закончил! – приняв строевую стойку доложил, сидящему за столом полковнику, Сурин.

– Ну, что ж, хорошо товарищ курсант, хорошо! – было видно, полковник остался доволен ответом.

– Что у вас в билете третьим вопросом стоит? – спокойно спросил полковник.

– Работа Владимира Ильича Ленина «Лучше меньше, да лучше!» – отрапортовал Сурин и положил на стол раскрытую, девяносто шести листовую, так называемую амбарную тетрадь, где были законспектированы работы В.И.Ленина и К. Маркса. Полковник посмотрел в тетрадь потом на Сурина.

– Что это? – спросил он.

И почему вырвались у младшего брата эти слова, кто его за язык тянул? Эти слова и поставили крест на дипломе с отличием.

– Лучше меньше, да лучше, товарищ полковник, – слегка улыбаясь, ответил Сурин, надеясь, что полковник поймёт шутку и простит за эту работу, которая была законспектирована на пол-листа. Пятёрки не получилось, общая оценка за три вопроса – четыре балла.

А потом был выпуск! На плацу выстроилось всё училище, полторы тысячи человек. Пятьсот молодых лейтенантов в парадных мундирах, по одному выходя из строя, прощались со знаменем училища, получали из рук генерала дипломы и значки об окончании училища и чётким строевым ша-

гом возвращались в строй. Когда закончился процесс вручения дипломов и прощание со знаменем, наступила минута тишины.

Зычный голос полковника из строевого отдела разрядил тишину:

– «Смирно! К торжественному маршу, побатальонно, на одного линейного дистанции, первый батальон прямо, остальные напра-Во! Равнение направо, шагом марш!», – и грянул марш военного оркестра училища «Прощание славянки». Чётко чеканя шаг, держа равнение в колоннах и шеренгах, выпускники, а за ними остальные батальоны училища прошли мимо трибун, на которых стояло руководство училища, три генерала и представители городского правления.

Стояли мамы и папы, дяди и тёти, много девушек. Плакали, хлопали в ладоши и кричали «Ура!». А потом был торжественный ужин. Пятьсот лейтенантов и приглашённых гостей рассадили в двух столовых.

Хорошо запомнили братья команду генерала, когда все расселись за столиками:

– Товарищи офицеры, прошу открыть шампанское! – и сотни пробок с оглушительным треском вырывались из стеклянных стволов, окутанных спиртным туманом, давая волю шипящей струе высоко брызнуть белой пеной. Вот теперь-то можно! Это тебе не из мыльницы хлебать грузинскую чачу в казарменном туалете, прячась в кабинке. Това-

рищ, который будет следующим прикладываться к мыльнице, стоит на шухере и слушает, как блюёт его товарищ. Не пошла впрок тёплая чача, тайно провезённая в резиновой грелке из далёкого Кавказа. Курсанты, возвращаясь из отпусков, умудрялись пронести через КПП (контрольно пропускной пункт) чего-нибудь из крепенького для встречи с друзьями-однокурсниками.

Бал закончен! Утром подтягивались в казармы, всю ночь гулявшие, «войска», стражи неба. Мундиры и лица требовали срочного приведения их в надлежащий вид, чтобы получить проездные документы, первую лейтенантскую зарплату, съездить домой, а потом в войска...!

Войска ПВО! И чёрт те куда даёт страна приказ разъехаться молодым лейтенантам и встать на стражу воздушных границ громадного государства. Братьям Суриным с первым стартом в войска сразу после окончания училища повезло. Они оба были направлены в одну часть Ленинградского военного округа, под Питер.

Сурин вспомнил драку в ресторане перед тем, как оказаться здесь на Дальнем... Родители уже жили в Риге, когда братья учились в училище. После двух лет службы под Ленинградом им предстояло служить в разных местах. Старший Александр был направлен на Командорские острова, а младшего Владимира направили в Хабаровский край! Перед убытием к новому месту службы у братьев был отпуск.

Двадцать восьмое мая – День пограничника! Братья ре-

шили ещё раз гульнуть в цивилизации, а там неведомо, в каких условиях придётся им жить.

В центре Риги был небольшой, но очень популярный ресторанчик «Балтика», где была «живая» музыка и хороший репертуар исполнения: старинные романсы, песни на стихи Есенина и так далее...! Привилегии попасть в этот ресторан имели только офицеры и в форме.

День выдался тёплым, и братья Сурины в военной повседневной форме, без кителей, только в рубашках, пошли туда, в офицерский ресторан. Толпа желающих попасть в зал собралась у входа. Сурины вошли беспрепятственно!

– Девочки нужны? – спросил официант братьев, принимая заказ.

– Ну, какой разговор, обижаешь!

– Понял, заказ принят! – улыбнулся официант с блокнотом в руке. Не прошло и десяти минут, как перед братьями сидели две довольно симпатичные девицы.

Половина зала сверкала парадными мундирами, пограничники гуляли! Были офицеры и других родов войск и несколько иностранцев. Остальную публику составляли женщины разных возрастов и гражданские лица в небольшом количестве.

Всё шло гладко: выпивали, закусывали, танцевали, курили, смеялись, шутили. Дамы оказались учительницами. Одна преподавала географию, другая русский язык и литературу!

Братья почувствовали, что учительницы заинтересо-

лись ими, стали задавать много любопытных вопросов, и, вообще, скованность покинула их, и вечер обещал быть удачным.

– А вы кто, лётчики? – спросила Аллочка (преподаватель географии), разглядывая на погонах эмблемы, где помимо стрел, выглядывали крылышки.

– Даа...! – уверенно, без всякого замешательства ответил младший, Владимир. – Вот он ведущий, я ведомый, по старшинству он меня ведёт. Мы всегда в паре с ним крылами машем. Завтра на взлёт!

Старший не испортил игру, врубился сразу. Стало интересно!

– Ребята, а как можно летать, когда уже столько выпили, вас же проверяют?

Младший, кивая головой, что он согласен с ней, добавил:

– Аллочка, да мы с братухой умеем избавляться от этого! А если перебор, то катапульта сама выбрасывает летуна из кабины, вверх тормашками, прямо на ковёр к командиру, – он хотел продолжить нести ересь летуна, но увидел, как перед самым носом что-то зависло. Сзади стоял пограничник, наклонившись чуть вперёд, его чёрный, парадный галстук без заколки, болтался возле самого носа младшего Сурина.

– Меня зовут Пётр! Идём танцевать! – не обращая никакого внимания на двух сидящих лейтенантов, пьяный пограничник пытался взять руку учительницы русского языка

и литературы. Та резко ответила ему, что не будет с ним танцевать.

Чёрный галстук продолжал болтаться у носа Владимира. Он оттянул его вниз, насколько резинка позволяла и отпустил.

– Убери свою селёдку, Петя! – сказал Сурин. Старший, Александр, чувствуя, что вечер перестает быть томным, уже стоял на ногах.

Затевать драку прямо в зале, совсем нехорошо! Наглый лейтенант, зная, что за ним четыре стола с пограничниками, отходить от столика совсем не собирался.

– Выходим! – сказал Александр и дёрнул Петра за зелёный рукав парадного кителя. Лейтенант самоуверенно ухмыльнулся и пошёл за старшим Суриным, младший шёл за пограничником, из-за столиков стали подниматься и не только пограничники.

Не сговариваясь, как только вышли за двери, братья сбили наглеца подножкой и, схватив за воротник мундира, протащили его по шершавому, серому тротуару, хорошо протащили, а морду пощадили. Офицеры вываливались из дверей и быстро приближались. В толпе, вместе с офицерами оказалась довольно зрелая по годам дама, которая громко кричала: «Вызывайте патруль, вызывайте патруль!»

Драка не состоялась! Нашлись трезвосоображающие, не допустив её. Пограничники отняли извасюканного в пыли Петю, который крепко матерясь, тянулся к младшему Вла-

димиру. Между Петей и Владимиром встал высокий и крепкий старший лейтенант в повседневной форме и в сапогах. Старшего Сурина, тоже держали за руки, это были танкисты.

И всё же, уловив момент, Петя умудрился ткнуть кулаком через плечо рослого танкиста младшему Сурину под левый глаз. И это за сутки до убытия к новому месту службы. Чем бы это всё закончилось, если бы кто-то не крикнул:

– «Разбегайся, патруль уже здесь!»

Прилетев в Охотский радиотехнический полк, младший Сурин докладывал командиру полка:

– Товарищ полковник, лейтенант Сурин прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Полковник в полном молчании смотрел на лейтенанта, левый глаз которого, не выразительно, но, всё же, светил синевой!

– С пограничниками подрались! – не дожидаясь вопроса, ответил Сурин.

– С кем? – удивился полковник.

– С пограничниками!

– Ну и как? И кто на высоте? Они – земляные, или мы – воздушные? – с большим интересом спросил командир полка.

– Как положено, товарищ полковник, им по земле ходить, нам по воздуху!

– Э-э...! – услышал Козырев сквозь сон, тихо блеющее, уже знакомое. – Э-э...!

«Может, показалось?» – подумал Костя, не открывая глаз. Он лежал на левом боку, спиной к проходу между койками.

– Э-э...! – Костя открыл глаза, чувствуя, что за спиной кто-то стоит.

«Наверно за мной!» – он повернулся на спину, и знакомый силуэт задницы в штанах вырисовывался в ночи. «Меня не будит, козёл. Опять Халилова на швабру сажать будет. Этот Гоги сволочной «дед».

Шла вторая неделя, как он, отсидев на гауптвахте после устроенной драки в столовой, был в своём подразделении. Никто из стариков, кого он «обидел» тогда, не подошёл к нему за это время. После очередного «Ээ...!» грузинского «деда», Козырев взял его за штанину и резко повернул на себя, продолжая лежать на спине.

– Э-э..., киселя захотел, козёл сраный? Я тебе, «дед» старый, заклею им глаза, забудешь дорогу в эту аллею. Я тебе, «чурка», рога в баранки закручу. Пшёл на х..., козлина драчная и ударил «деда» кулаком в бедро. Дубадзе молча вышел из узкого прохода и зашагал к тумбочке дневального. Козырев повернулся на левый бок и быстро заснул, ни о чём не думая.

– Э-э...! – Костя почувствовал на плече руку, повернулся, перед ним снова стоял Гоги, только уже передом и слегка нагнувшись. – Пайдём кунак, пол мыть нада, темно пака! – Дубадзе отошёл от кровати и стал ближе к центральному проходу.

– Ну пошли, я тебе полы сейчас намою! – Козырев сунул ноги в тапочки и присмотрелся к циферблату наручных часов (подарок от родителей к его совершеннолетию), до подъёма оставалось полтора часа. Не одеваясь, в трусах и майке, пошёл за «дедом».

Дубадзе сапогом толкнул дверь в умывальную комнату, вошёл туда, повернулся и жестом руки с усмешкой на наглom лице, прошептал: – Заходи!

Костя почувствовал неладное в этом смелом выпаде трусливого Дубадзе. Он шагнул за порог и, сделав два шага, был накрыт мокрой тряпкой. Сзади чьи-то руки крепко сдавили ему шею, и он тут же получил удар в живот, в солнечное сплетение, потом ещё удар и ещё...! Дыхание свело, и тупая боль сковала все внутренности. Били ещё с минуту, лицо не трогали, в живот и по рёбрам. Костя сильно подвернул правую руку, когда падал на пол и, теряя сознание, увидел рядового Пантюхина – электромеханика из его же расчёта П-14. Кто держал его сзади, он так и не узнал.

На завтрак Костя не пошёл, сильно болела рука в плече и всё тело. В казарму начали приходить офицеры и прапорщики на общее построение.

После построения и постановки задач командиром, Козырев подошёл к тумбочке дневального, у которой стоял Гоги.

– Ори на всю казарму – «Пантюхина срочно к телефону!»
Понял?!

– Ты чего, дух, швабры с тряпка мала, а...? Сегодня снова мить будеш.

Костя сделал шаг вперёд, их жёлтые бляхи на солдатских ремнях, прижались друг к другу.

– Я тебя сейчас «вырублю», падла, прямо здесь и опустишься! Считаю до двух, – Козырев шипел в растерянную рожу Дубадзе, глаза его выражали такую ненависть к этому «деду», что он готов был тут же, у тумбочки, затоптать его сапогами.

– Раз! – Козырев из сжатого кулака вытянул указательный палец.

– Рядового Пантюхина к телефону, и срочно! – заорал во всё горло грузинский «дед». Через пятнадцать секунд слышался топот сапог по деревянному полу казармы, это бежал Пантюхин.

– Кто звал, чего стряслось? – Пантюхин смотрел на телефонную трубку, которая лежала в гнезде аппарата и никого не звала.

– Я звал!

– Ты! – Пантюхин осмотрелся вокруг и зажал между пальцами пуговицу гимнастёрки Козырева. Плечо болело, но рука была в порядке. Костя правой кистью так сдавил ладонь

Пантюхина, что захрустели его пальцы. Пантюхин невольно издал глухой звук, было видно, как ему больно.

– Кто третий был? – угрожающе спросил Козырев, не выпуская руки Пантюхина.

– Немного ли берёшь..., Козырь?

– Столько, сколько надо! А теперь слушайте, «деды» х...ы! Мне не привыкать к роже разбитой, и на моём счету горсть зубов наберётся от таких е...ков, как твоя морда и твоя, козёл, – Костя кинул взгляд на Дубадзе. – Если тряпка ещё раз ляжет на мою башку, мамой клянусь, поубиваю по одному, мамой клянусь! Понял, додик?! Третьему передай, и его придушу! Домой не доедет кто-то из вас. Мамой клянусь, слышишь, что говорю? – Гоги отвёл взгляд от Козырева, сейчас, он боялся его по-настоящему!

К тумбочке дневального подходил замполит, Дубадзе и Пантюхин отдали честь. Рука Кости, выше плеча не поднялась и опустилась плетью.

– А вы почему честь не отдаёте, товарищ солдат? – строго спросил Белкин.

– Рука не поднимается, товарищ старший лейтенант, плечо вывернул, – и тут же добавил, – гирю неудачно поднял. Дубадзе с Пантюхиным переглянулись.

– Дубадзе, сержанта Кишенкова ко мне! – сказал замполит.

Гоги сорвался с места выполнять приказание. Через три минуты «Кишечник» докладывал замполиту: – Товарищ

старший лейтенант, сержант Кишенков по Вашему приказанию прибыл.

– Сержант! Провести строевое занятие, индивидуальное занятие, вот с этим вот гиревиком-молодчиком. Тема занятия: «Отход, подход к начальнику и отдавание воинской чести!», время полных сорок минут. Пусть разрабатывает плечевой сустав.

Замполит вышел из казармы. Сержант пошёл искать строевой устав, а Козырев вышел на крыльцо.

– Тормози, Кишечник! – одновременно в два голоса, оставили сержанта Пантюхин и Дубадзе. – Заведи «духа» подальше в стланик и покурите там, сидя минут сорок. Врубился?

– Я что, круглый мудака, чтобы салагу по корягам гонять, ещё копыто сломает, кому на смену ходить, людей и так мало! Пора в свой круг затаскивать его, не шестерит, заслужил! – сделал вывод рыхлый, сутулый, под два метра сержант, всегда просящий добавки у окошка в столовой.

12

– Эй, Володя! Эй, Сурин, стой, стой! – кричал в спину Сурину Паша Долгов. Он вышел из командного пункта перекурить и подышать свежим воздухом, сегодня он дежурил. Сурин развернулся и направился к Долгову.

– Желаю поздравить тебя и краба пожать.

– Что я такое натворил, чтобы мне краба жать? – удивился Сурин.

– С чином тебя, Вован! – Паша протянул руку и добавил, – господин поручик! Залеский кодограммы получил, сидит читает. Только что мне сообщил. Я покурить на радостях таких на воздух выскочил, а тебя самого нечистая прикатила благую весть узнать от меня. Когда обмывать начнём?

– Да хошь щас, было бы чем...! Надо Сёмку спросить, он, кажется, брагу собирался ставить, может поспела уже? – Сурин не удивился вести о повышении его в звании, сроки истекли, чтобы в лейтенантах ходить.

– Командор уйдёт с КП, разыщу его по телефону. Ну, поздравляю, старший лейтенант, разыщу Смерть ротную, позвоню тебе, ставил, не ставил пойло...?

– Давай! В нашем доме точно, ни у кого «пузыря» в зашашнике не найдёшь! – сказал Сурин и, пожав Долгову руку, направился к малюсенькой избушке, там только что выпекли свежий хлеб. «Эх, неплохо бы сейчас бутылочку на тро-

их придушить, чин обмыть, как полагается, не откладывая в долгий ящик», – повздыхал Сурин и вошёл в пекарню. Аромат горячего, свежееиспеченного белого хлеба с тёмной корочкой резко ударил в нос.

На следующее утро командир зачитал приказ о присвоении очередного воинского звания «старший лейтенант» лейтенанту Сурину Владимиру Александровичу! Рота похлопала в ладоши, и люди разошлась по рабочим местам.

Часовой на наблюдательной вышке крутил ручку телефонного аппарата, чтобы сообщить, что на горизонте показался корабль – это был продовольственный и вещевого завоз.

Корабль стал на рейд довольно далеко, в бинокль было видно, как спустили на воду моторную лодку, а затем и баржу. Командир и замполит уже были на берегу и ждали лодку, на которой поплывут на корабль подписывать коносаменты (документы) о принятии груза.

И началась авральная работа! На рабочих местах технической позиции оставляли по одному человеку, остальных всех на разгрузку продовольственного груза с баржи.

В подразделении имелся старый, капризный вездеход, который давно просился на списание. Иногда он заводился с пятого раза и на этот раз завёлся – огромная помощь живой силе. Солдаты таскали ящики с баржи и клали их на большую волокушу. Вездеход волок волокушу от берега к деревянным ступенькам, где начинался крутой подъём на скали-

стую поверхность, на которой расположилась позиция роты.

Солдаты, словно гигантские муравьи, непрерывно таскали на склад ящики, тюки, упаковки, где их принимал начальник продовольственного склада, сверяя с накладными бумагами. На отдых времени не было, только короткий перекур. Лишний час простоя корабля обходился дорого пароходству.

От командира роты поступила команда:

– Ящик номер четыре, в канцелярию!

– Тьфу ты! – Смертин начал плевать.

– Ты чего, Сеня? – рядом с фельдшером стоял Сурин и записывал номера ящиков и их количество, чтобы потом быстрее сделать сверку о приёме груза и отправить корабль в «свободное плавание».

– Обмыли тебя, Володя!

– Чего обмыли?

– Та званьё твое, страшного лейтенанта! У тому ящике спиртыга, целый глэчик, два литра. Цельных два литра, зрозумив? Ящик с медикаментами под этим номером! Мы у прошлом годе опосля такой разгрузки крепко с хлопцями гульнули. Памьять у командора на цей ящик под номером четыре, не забув! Я ж его, ящик цей, два часа дожидавсь, и на..., уволоклы в казарму.

Напряжённый день близился к концу, усталые бойцы шли в казарму. Продовольственный склад был набит всем необходимым, чтобы просуществовать ещё целый год, дожидаясь следующего привоза. Командир распорядился, чтобы лич-

ный состав лёг спать на час раньше. Офицеры и прапорщики расходились по домам.

Сурин стоял у маленького столика на кухне, соображая, чем бы поужинать: макароны, гречку, рис варить не было охоты. Он решил вскрыть банку свиной тушёнки и навернуть её с хлебом, как часто это делал, этого хватало по самые, как говорят, «уши».

В комнате зазвонил ТАИ-43, военно-полевой телефон образца сорок третьего года. Такие телефоны имелись у каждого в «квартирах». Сурин взял трубку.

– Володымир Александрович, сбор у поскотины. Ждем! – Звонил Смертин.

Не так давно в казарме крутили фильм «Даурия», там казаков собирали у поскотины. Вот таким паролем мужики, желающие посидеть «кружком», общались по телефону.

«Бражка поспела!» – решил Сурин. Настроение начало приподниматься, осточертело глухое одиночество, теперь можно с мужиками хоть позубоскалить. – «Кого он там собрал? Наверняка Пашку Долгова с Димкой Борисовым на поскотину вызвал? Весёлые мужики! Пасынков сегодня дежурит, и он, постоянный член мужицкого кружка, и сам часто зовёт к себе в свою «берлогу».

«Сбор у поскотины!» – это вроде сигнала, когда у кого-то, что-то завалюсь, ещё из отпуска привезённое, или брага поспела. Вскоре, этот пароль дошёл и до командира, когда организовывался открытый сбор на гулянку (праздник, день

рождения и, конечно же, прибытие из отпуска). Прилететь из отпуска «сухим», ничего не прихватив с собой для организации маленького застолья, считалось недозволительным. Конечно, это не приказ командира, но коллектив маленького поселения на диком полуострове этого не прощал, тот становился «несвоим». Командира это не касалось, на то он и командир и не обязан тащить полную сетку бутылок для спивания своих подчинённых. Но он никогда не отказывался посидеть за компанию со своим «племенем», за исключением распития кружками вонючей браги.

Темнело! Сурин шёл во второй дом, всего триста метров, а чёрт ногу ломает. Возвращаться обратно за фонариком не захотел, плохая примета! «Как-нибудь на четырёх доползу, триста шагов, дистанция не на всю ночь!» – решил он.

– Давай «Менделеев», выставляй, чего там замутил, коль на поскотину вызвал. Не зря же?

– Не зря! – заулыбался Семён Смертин. – И встать, поручик стоять у дверях! – гаркнул Сёмка на сидящих за столом Долгова и Борисова. Те повернули головы и вскочили со стульев, вытянув руки по швам. Комедия началась!

– Вольно! Садитесь господа, будь ласка! – Сурин сделал жест опуститься на стулья. – Ну-с..., с чего начнём-с, нешто поспела, Сэмен? – Сурин, потирая руки, смотрел на двадцатилитровую бутыль, полную мутной жижи. Бутыль была недавно накрыта старым армейским бушлатом, который валялся рядом. Из завинченной, широкой пробки, выходил

шланг, конец которого входил в стеклянную банку с водой.

– Ще маленько булькае, пузыри пушцае, но думаю, градус «е», ей Богу, «е»! Начнём!

И начали! Четыре армейские, эмалированные кружки стояли на столе. Из закуски была только тушёнка, разогретая на сковороде и чёрный хлеб. Долгов держал алюминиевый ковшик, литра на полтора, а фельдшер аккуратно лил в него брагу из бутылки. Комната наполнялась кислой дрожжевой вонью.

Паша Долгов, старший по званию из всех сидящих, встал с полной кружкой, держа её на уровне груди с оттопыренным вперёд локтем.

– Вальдемар, слушай! Мы тут узким кружком поэтов, поджидая тебя, сочинили гениальные для тебя слова, от коих твоя карьера только в рост пойдёт. Потом запиши обязательно! Слушай!

– Не надо, Паша! Я от твоих слов, только рыдаю, ты же знаешь, как я к твоей поэзии отношусь? Один романс про тётю Надю в тёплых байковых штанах, чего только стоит, вся сопля в слезах, или наоборот, слеза...! Сегодня не желаю рыдать.

Долгов вытащил из кармана две звёздочки для каждого погона и протянул их Сурину, но тот уже опустил голову ниже стола и шмыгал носом, изображая чувства. Мужики смотрели, как трясётся его спина. В руке он держал угол клеёнки, которой зажал нос и от прорвавшихся чувств-с, «сморкался»

в неё, издавая страшные звуки губами, хлюпал и ревел.

– Братья ахвицеры, я тронут, я так тронут! – Сурин часто замахал руками и, вставая со стула, взял звёздочки, одновременно вытирая сухие глаза и шмыгая носом. «Трогательная» сцена поздравления завершилась, но Паша всех остановил, когда кружки с брагой поднялись вверх.

– Володя, Вальдемар, мы тебе желаем, чтобы эти три тощие звёздочки распухли до полковничьих. Дозвездись до них!

– Спасибо мужики! До полковника...!? – Сурин взял паузу, соображая, какие слова подобрать к чину высокому, который пожелали ему мужики. – Ой, не знаю мужики, как до чина этого дойти? Я в себе чувствую породу похухоля с примесью нахухоля, но никак не выхухоля. «Вы!» Везде, «вы – вы – вы», короче, выпендриваться надо, а это нелегко. Выхухоль! Больно юн ещё я, подрасту, может и поменяюсь. Поехали, что ли...!

Стоя с железными кружками в руках, четыре мужика с шумом сосали жёлтую бражку, изготовленную фельдшером со страшной фамилией Смертин.

Пока достигли дна, прошло немало времени. Когда кружки у всех опустели, Сурин, Долгов и Борисов устали на фельдшера.

– Семён, что-то она не такая, какой надо быть, сладкая ещё и не протолкнуть легко её! – разочарованным голосом сказал Паша Долгов.

– Да, да! Е такє, трохи не доспєла, тому и сладка. Повторимо! Колы даст по мозгам, тоды лєгчє польєтся. Бєри ковш, пидєм наполняты. Ща, хлопты, захорощєє.

– Сэмен! А колы обосрємося, тоды що будємо робить? Завтра на службу, что нам ночь сулит с твоей попойки, колы покинем хату твою? – тєпєрь Сурин задал вопрос.

– Та ничого не будє, гимном не изойдєм. Бурлякать у пузи начнє чєрєз трыдцать, сорок хвєлын, колы помои пьємо, но цє ж не помои! Нє ссыть, гєспода охфицєры!

Выпили по второй, в гєловє ни то, ни сє, но третью кружку, никто ужє нє хотєл. Вєсєльє нє заладилось!

Фєльдшєр полєз под кровать, остальныє курили и молча наблюдали за Семёном, который бурча, что-то длєго искал, роясь в зєлєном, дєрєвянном ящикє, который сєгодня был на бєрєгу, и командир изьял из нєго медицинский спирт. Наконєц он поднялся и, улыбаясь во вєсь рот, выставил на стол квадратную бутылку из толстого, тёмного стекла и прозрачный пакєт с бєлыми таблетками.

– А цє шо такє? – спросил Сурин.

– Цє, братцы, йод, но будє спиртом! Погодьтє трохи товарищи! – Смертин высыпал из пакєта в ладонь целую горсть таблеток и покидал их в широкое горлышко бутылки прямо в йод, началась реакция! Все уставились на бутылку, гдє йод превращался в прозрачный спирт.

– Менделєєв, ты чєго творишь? – хором спросили «химика» мужики.

– Аскорбинка знает, что роблыть!

Через пять минут получился распад частиц, в осадок ушло то, что не надо пить. Всех интересовало: что осталось наверху? Смертин аккуратно процедил жидкость через маленькую воронку с ватой. Полез снова в ящик, только другой и вытащил спиртометр. Все остались довольны градусом. Спиртовой градусник показал семьдесят полезных градусов, даже с гаком. Оставалось развести с водой до привычных со- рока.

Доведённая до сорокоградусной крепости жидкость, кото- рая когда-то называлась йодом, теперь разливалась по рюм- кам разного калибра. Наливал «химик» в самую малую, на пятьдесят граммов, а из неё, во все остальные.

– Ну, прозёт, господа! – выдохнув, весело сказал фельд- шер и подняв рюмку, ждал остальных, чтобы чокнуться. Ни- кто не поднимал, все смотрели на Семёна. – Вы чо? Мени не впервой, я до хэра такой глотав. Прозёт, господа, прозёт!

– Вот и давай, прозыруй, а мы побачимо, як ласты хфельд- шера клеются! – без шутки сказал Димка Борисов, лицо ко- торого выражало полное недоверие к этому новому изобре- тению.

– Давай, Сэмен, делай экскремент, докажи, что Смерть не умирает! Мы через пять минут присоединимся, если не склеишься, – поддержал Димку Борисова Сурин.

Семён выпил, остальные смотрели на выражение его ли- ца, которое начало окисляться, как когда вкушаешь неспе-

лое яблоко.

– Скарбынки перебор, выпалил фельдшер и ложкой загрёб из сковородки.

Выпили по третьей, с усилием преодолевая кислоту, и почувствовали, что градус в этой кислой жидкости имеет место быть. После пятой Пашка вылез из-за стола и пошёл к дверям. Через пять минут он уже сидел на своём месте с гитарой в руках.

– «... тётё Наде стало душно в тёплых байковых штанах. А вдоль манежа, конница идёт, и дядя Ваня тянет бронепоезд, а тётя Надя, тётя Надя не да...!»

– Стоп, стоп! – орал захмелевший Димка Борисов, остановив Пашу на середине исполнения застольной песни, для тех, кому за шестнадцать.

– Господа, а кто нам обещал стойку на одной руке? А то так и забудем, это же зрелище, выпендриться на одной руке! Сёма, у тебя горшок имеется, желаем видеть акробата на горшке?

– Ни, горшка не маю! Кастрюля на пять литрив найдётся, пошукать треба!

– Ты бы ещё на десятой рюмке вспомнил, когда сам, на четырёх стоять будешь, – Сурин забыл про спор, а Борисов вспомнил, да ещё в такой обстановке, когда все под «мухой».

– Не треба кастрюляки, Сеня! Я на кружке, желаеть видеть акробата на кружке, Димон? Только с каждого по бутылке теперь, я под градусом. А под градусом выходить на смер-

тельный номер, втрое дороже. Эге!

– Хе! – усмехнулись мужики. – Ну-ну, давай, давай, акробат! Мистер икс!

Сурин встал и начал демонстративно разминаться перед исполнением сложнейшего номера. Условия Сурина приняли все, с каждого по бутылке!

Наступил острый момент кульминации. Сурин стащил сапоги и в одних носках стоял посередине комнаты. Тишина воцарилась в забитой табачным дымом комнате, мужики напряглись и готовы были подстраховать, если Вальдемар начнёт валиться!

Сурин взял кружку со стола, дунул в неё и положил на пол, вверх дном. Нагнувшись, он крепко вцепился в неё пальцами правой руки. Отставив левую руку в сторону, для баланса. Несколько раз подпрыгнул, отрывая ноги от пола, потом вытянул левую ногу, так делают «ласточку», вытянул правую, снова левую и замер.

«Только бы не «заржали», тогда не устою, занесёт...», – Сурин не видел лица зрителей, он сосредоточился на руке, которая накрыла дно кружки. Никто из мужиков не проронил ни слова, в ожидании, что сейчас последует мощный толчок от пола, чтобы задрать вверх ноги и постоять на одной руке, да ещё на кружке. А Сурин наступил правой ногой на руку и, поймав момент, балансируя левой рукой, умудрился пристроить туда же и левую ногу, сумев зафиксировать «смертельный» номер на пять секунд и, только потом,

завалился на бок. Никто не рискнул оспорить, что это была не стойка на одной руке. Стойка получилась, если можно назвать её стойкой, но он оторвал обе ноги от пола. Пари было выиграно, оставалось ждать «пузырей» с каждого!

Сурин добрался до дому благополучно, тропа с препятствиями не подставила ему подножку в виде открытого, изогнутого дугой корня или острого края гранитного валуна.

Проснулся он глубокой ночью от сильных коликов в обеих скулах, такие колики он запомнил с детства, когда они с братом болели «свинкой». «Этой свинкой болеют один раз, и с какого ж бугра она свалилась, ещё раз пристала?» – подумал он, и тут его осенило! – «Йод! Смертинский йод с аскорбинкой и две кружки бражки вот и дали по сусалам! Блин, до чего ж колет», – он схватился за челюсть и начал шатать её туда-сюда. Потом посмотрел на часы, было четыре утра. – «Не заснуть! Дожить бы до утреннего построения, на остальных посмотреть!» – Сурин прикурил сигарету.

Утром перед построением офицеры и прапорщики собирались в канцелярии роты. Сурин пришёл раньше всех побритый и наодеколоненный. Перед выходом из дома сделал глоток растительного масла прямо из горла бутылки, чтобы как-то забить перегар вчерашней сивухи.

В канцелярии было уже три человека. Вошёл командир, спустя минуту, замполит и появился Паша! Правый глаз его почти заплыл, но никакого синяка не было, никакой ссадины или царапины, кожа была чистая, без повреждений.

– Что с глазом? – спросил Залеский Долгова, здороваясь за руку.

– Да и сам не знаю, товарищ капитан! Может какая козявка или комар ночной жалом ткнул. На этом вопрос был бы исчерпан, но в дверях появился Димка Борисов!

Послышался тихий, неконтролируемый одинокий смех, его поддержал второй, и, вскоре, ржали все, кто был в канцелярия.

Борисов с глупейшей улыбкой на лице, не понимая, что же произошло, тоже смеялся со всеми, за компанию.

– Что, комар...? – спросил командир. Борисов увидел серьёзное, придурковатое лицо Долгова, который подошёл к нему и стал в упор рассматривать его. Грянула новая волна смеха. Глаз Борисова, только левый, один в один имел вид, как у Долгова.

Раздался телефонный звонок, в маленькой канцелярии все хорошо узнали голос фельдшера из трубки.

– Так! – пауза. – Так, и что...? – повторял Залеский, слушая, что несёт фельдшер на украинской мови. – Сиди до завтра, всё потом...! – и положил трубку.

– Наш стойкий Смертный обосрался! Сурин, а тебя комары не потревожили, пощадили блестящие глаза?

– Да нет! Я их всех перед сном гоняю.

– Ну, а «стул» в каком состоянии, очередь в сортир создал? Это и Вас касается, – Залеский кивнул в сторону Долгова и Борисова.

За всех ответил Сурин:

– «Стулья» крепкие, без скрипа, не дрещали, вернее, не трещали!

– Почему нарушаешь форму одежды?

Сурин осмотрел себя сверху вниз:

– Да всё в порядке, товарищ капитан!

– Погоны в порядок приведи, третьи сутки нарушаешь, – Залеский постучал пальцем по звёздочке своего погона.

– Понял, исправлю!

– Все на выход, стройте личный состав, – сказал командир и вдогонку добавил, – в следующий раз, как идти на службу, полощите глотки хлоркой, у меня канцелярия, а не канализация, задыхаться мне здесь что ли. Юрий Николаевич, останься на две минуты, один вопрос решить надо!

Замполит сел за свой стол.

Трое гуляк, пострадавших от вчерашнего веселья, после построения отошли далеко от казармы, чтобы обсудить состояние здоровья и какие ночные пытки испытал каждый после ночной попойки. Посовещавшись, направились к «Менделееву», чтобы посадить его в пятилитровую кастрюлю, о которой он сам говорил, что имеется такова, а заодно и узнать, что ещё его пробрало, кроме поноса и пусть рисует химическую формулу, почему его йод так покалечил офицерские «морды»?

– Ну, кричи, Смерть! Мы за тобой пришли! – орал Борисов в пристройке «химической лаборатории», где они вчера

обмывали звёздочку. Долгов приоткрыл дверь и остановился, подняв вверх руку, а потом тихо прикрыл её.

– Смерть раскорячился над ведром, трясётся весь. Пусть проблюётся верблюду, легче «пытать» будет.

С раннего детства родители, в большей мере мать, привили братьям любовь ко всему живому в природе: к животным, к деревцу, к веточке с листочком. Здесь на Дальнем Востоке дремавший инстинкт охотника проснулся и в сознании Сурина прошиб заслон не вторгаться в мир дикой природы и не наносить ему ущерба. Сурин грезил охотой!

Этот инстинкт, тлеющий в самых дальних уголках подкорки мозга, так проник во всё его существо, что, с первых же недель пребывания на лоне не тронутой человеком природы, разжёл пламя азарта настоящего охотника.

Два раза в жизни стрелявший из охотничьего ружья, Сурин сидел на кровати и заряжал латунные гильзы порохом, забивал войлочные пыжи из старого валенка и сыпал из железной мерки мелкую дробь на уток.

Безкурковое ружьё одностволка двенадцатого калибра досталось ему, как здесь говорили, по наследству. Он заменил старшего лейтенанта, который «отмотав» три года, вручил ему ружьё и двадцать охотничьих латунных гильз.

С первых дней пребывания на новом месте службы и ближе познакомившись со своим начальником РЛС, Сурин впервые в жизни смотрел на результаты настоящей, дальневосточной охоты своего шефа, который служил здесь четвёртый год, набирая стаж выслуги и получая максимальный де-

нежный оклад. Капитан, с купеческой точки зрения, был самым богатым на полуострове «купцом». Четыре года здесь зачтутся ему за восемь и плюс максимальный годовой оклад за четвёртый год. Как правило, за три года службы, офицер получал шесть надбавок к окладу (каждые полгода), максимальная была последняя, шестая!

Капитан Совенко, Валерий Михайлович, начальник П-14, слыл лучшим охотником в части. Жену и двух детишек, он недавно отправил на большую землю (детям, настала пора идти в школу).

Завёл как-то Совенко своего помощника Сурина к себе, когда уже сам готовил себе еду, обстирывал себя, в общем, жил, как и все холостяки. Сурин сразу заметил, какой хозяйкой была его Валя. Эту комнату нельзя было назвать «убогой избушкой», везде была приложена женская рука. В общем, было очень даже уютно, в малой комнатухе. Широкая кровать, накрытая красивым покрывалом, яркие коврики на стене и на полу радовали глаз, занавески и плотная штора, зашторивали маленькое окно, за которым уже было темно.

Капитан вытащил «зачачку» в виде поллитровой бутылки настоящей водки, цена которой на большой земле три рубля, шестьдесят две копейки.

– Садись, Володя! – капитан был родом из центральной Украины, но на мове не разговаривал даже со Смертиным из Полтавщины. Выпили, закусили и пошли охотничьи рассказы с показом трофейной добычи.

Сурин воочию смотрел с широко раскрытыми глазами на настоящие шкуры соболей, отлично выделанных его начальником, их было пятнадцать. Потом Совенко вытащил из шкафа толстый, высокий свёрток. Когда развернул его посреди комнаты, Сурин увидел десяток выделанных шкур нерпы. Ещё были три лисицы, две пары оленьих рогов и, наконец, огромная шкура медведя!

– Ты, Михалыч, всё и всех, вот этих самых, сам...? – не то, чтобы с восторгом, но с большим удивлением спросил начальника Сурин.

– Соболя, лисы, нерпа всё сам добыл и выделал! Рога и медведя у якутов купил, спирт поставил и немного денег добавил, – ответил Михалыч, закатывая меха в рулон.

– Да-а...! Покинешь эти края, будет чего вспомнить и рассказать какому-нибудь лейтенанту, типа меня, помощнику твоему новому, – произнёс громко Сурин, трогая твёрдый, чёрный нос медведя.

– А ты что, заняться этим не можешь? Была бы охота, только ног не жалеть и времени свободного, а опыт придёт, три года впереди. Может тоже, как и я, «шкурником» станешь! Ха-ха-ха...! – Михалычу понравилось, как он себя обозвал.

– А как же с этим..., ну-у, с лицензиями на отстрел или ловлю? – задал вполне правильный вопрос Сурин.

– Какая на хрен лицензия, кто к нам ходит, кто нас проверяет...? На моей памяти, за четыре неполных года,

один лишь раз катер с инспектором причалил. Командир его в канцелярию пригласил и нас всем составом собрал.

– «Одна просьба к вам, ребятаки! Для себя, сколько угодно и чего угодно! Только прошу – никакой торговли, никакого «левака», – это я тебе его слова сказал. Командир ему отсыпал тогда немало залежавшихся патронов от «ГТ». Инспектор был очень доволен.

– Да-а...! Однако! Сами себе хозяева, как просто, – слегка захмелев, сказал Вальдемар, чокаясь с рюмкой начальника. – У меня, Михалыч, одна мечта – завалить медведя! Представляешь, хозяина тайги и завалить! Не удовольствия ради, нет, а чисто... ну, тут коротко не скажешь. Это вроде как на танк идти и победить его. Что-то в этом роде и всё равно не так... философии не набрался ещё, опыта нет, молодой ещё.

– Представляю, и даже очень понимаю! – Михалыч выпил и взял солёный огурец. – Все эти годы ходил я, искал, капкан с петлёй ставил... не повезло! Не попался мне мишка. Знаешь, как якут целебную медвежью желчь добывает?

Сурин пожал плечами.

– Он его длинной рогатиной тычет, когда тот в капкане или на удавке, если живой ещё! Злость в медведе невероятная, пузырь желчью наполняется в ярости, тогда якут добывает его, когда тот весь пеной изойдёт!

– Ти-та-та-та! Та-ти-ти-ти! Та-ти-ти! Ти-ти-та-та! – Исаев титикал и татакал певучим голосом и перебирал струны гитары, настраивая их. Он сдал смену другому радисту и теперь отдыхал. Козырев сидел рядом. В казарме слышны были детские крики, визг и топанье. Это веселились маленький Витька Белкин и шестилетняя Наташка, дочка старшины. Больше малышей дошкольного возраста в роте не было.

Малышня с шумом подбежала к дядям послушать, как один из них титикает и татакает под гитару.

– Дядя Козылев, а почему ты не поёшь? – спросил Витька улыбающегося Костю. Костя поднял его и усадил себе на колени.

– А вот дядя Серёга, когда научит меня, тогда и будем петь с тобой, – ответил Козырев.

– А я уже научился! – и Витька начал титикать морзянкой без остановки.

– Отдохни, Витя! – сказал Исаев. Витька орал ему почти в ухо, не давая наладить гитару. Костя смеялся, нравился ему этот озорной, шустрый пацанёнок, у него младший брат точно таким был в пять лет, интересный возраст.

– Пойдём со мной на станцию, я тебе покажу, где я дежурю! Обрато, тебя другой дядя приведёт, я его сейчас сменить иду.

Козырев вёл Витьку, держа за маленькую ручонку, где-то приходилось брать его на руки, тропинка узкая, камни, ямки, сучья спрятались в полегшей траве. Стояла холодная осень. До радиолокационной станции по прямой, метров семьсот-восемьсот, а по тропке целый километр наберётся. Костя нёс малого на руках, впереди преградил путь огромный, плоский валун.

– Отдохнём! – он поставил Витьку на гранитную много-тонную плиту, и Витька оказался выше дяди Козырева.

– Ооо...! Что-то серьёзное, – вслух произнёс Козырев. На полпути к станции он увидел, что антенна РЛС вращается со скоростью шесть оборотов в минуту, вместо обычных четырёх или двух. Витька смотрел и тыкал пальцем в сторону гудящих дизелей и вращающейся огромной антенны высотой в одиннадцать метров и шириной во все тридцать.

– Это твоя станция? – спросил Витька.

– Моя, Витёк! Пойдём быстрее, что-то в небе летает, наверно серьёзное и что-то быстрое, если шесть оборотов крутит!

Открыв дверь кабины аппаратного прицепа (кунг), Козырев услышал голос Марата Салманова, которого должен сейчас сменить.

– Закрывай дверь скорее, – и тут же, по громкоговорящей связи, раздался голос командира из командного пункта: «Всем радиолокационным средствам включить фотоконтроль! Второй высотомер, включайся!»

– Принято, включить фотоконтроль! – Ответил по «громкой» Марат. В кабине выключили свет, и заработал фотопулемёт, установленный над экраном (ИКО), по которому «ползали» воздушные цели.

Витька замер от восторга, слушая, как гудит аппаратура в кабине, мигают много маленьких лампочек и, периодически, щёлкает фотопулемёт, а на экране двигаются маленькие, белые цели-червячки.

– КП, КП! Ефрейтор Салманов смену сдал!

– Рядовой Козырев смену принял! – громкая связь еще не была выключена, и в эту секунду раздался очередной восторженный визг малого Витьки Белкина.

– Кто у вас там, кто посторонний там...? – Козырев узнал голос замполита, он тоже был на командном пункте.

– Никого у нас, может показалось! – Козырев отпустил сжатую тангенту микрофона. Командный пункт пока молчал.

– Ну, Витька, мне работать надо! Тебя дядя Марат отведёт. Слушай, Марат, ты другим кругом пройди, чую замполит на тропе стоит!

Чеченец аккуратно поднял на руки Витьку и стал спускаться по железным ступенькам из кабины.

Козырев уселся в крутящееся, мягкое кресло и стал изучать воздушную обстановку на оранжевом экране индикатора. Внизу экрана, в секторе от ста пятидесяти до двухсот градусов, «ползало» довольно много целей. Шли плановые уче-

ния истребительной авиации Военно-воздушных сил Дальневосточного военного округа.

Воздушные цели с экрана считывал оператор, находящийся на командном пункте, так что Козыреву оставалось сидеть в кресле-вертушке и ждать команды. В прицепе было тепло и клонило ко сну. Мысли Кости улетали далеко-далеко на родину, прямо в школу!

Перед глазами стоял образ независимой, знающей себе цену Тоси. После той драки с десятиклассником они сдружились и через год, на каникулах после девятого класса, Костя уговорил её поехать на целый месяц в деревню к его бабушке. Тося согласилась, и, похоже, она была довольна как они проводили каникулы в смоленской деревне. Тогда Костя, сидя с ней на поваленной берёзе в густой роще, раскрыл свои планы на будущее: поступить в сельскохозяйственную академию, закончить её и работать в этих красивых местах. Городская жизнь его тяготила, ему нужен был простор! Тося таким откровением парня была слегка смущена.

Несколько раз Тося была у Кости дома, она по его просьбе подтягивала его в математике, он серьёзно решил для себя: сперва в армию, а после службы в академию! Матери его Антонина очень понравилась. А сыну говорила:

– Какая девчонка замечательная и не думай, что одними только кулаками можно девок завоёвывать. Эта девочка гораздо дальше тебя видит, дуралея!

На письма Кости Тося отвечала регулярно. В её письмах

была сдержанность, неторопливость и правильный ход мысли. Костя же, наоборот, дул такие душевные порывы дальневосточного ветра, что сносило с ног, читая их. Да и солдата понять можно, он же за полное ласковых, тёплых слов письмо от любимой три дня без пайки сможет обойтись. Хорошее, нежное письмо от той, которая тебя ждёт, это еда для солдата, а когда солдат сыт, то и служба идёт как положено!

А после окончания школы был военкомат. Костя стоял перед старым полковником и умолял направить его в Воздушно-десантные войска, на что медицинская комиссия была категорически против! Ломанная когда-то, нога не позволяла служить в таких войсках.

– Вот что, сынок! Желаешь по всей стране проехать, огромной нашей? Это не каждому дано! Служить на самый Дальний Восток посылаем тебя! Неделю в поезде, а дальше самолётами-вертолётами, много чего повидаешь. Согласен?

– Согласен! – спорить было бесполезно и так у комиссии много времени отобрал.

– Отбой готовности номер один, перейти на график дежурства, – Костя взял микрофон и нажал тангенту. – Принято!

На следующее утро возле входа в казарму Козырев нос к носу столкнулся с замполитом. Белкин взял его за локоть и повернул от дверей, слегка толкнув вперёд. Они отошли от казармы, чтобы их не слышали.

– Ну, вот что, Козырев, я запрещаю тебе общаться с мо-

им сыном! – сказал замполит. Козырева эти слова не застали врасплох, он давно заметил, как бросает недовольный взгляд папаша, когда его маленький сынок, как бесёнок, резвится среди толпы солдат, а потом попадает в руки Козырева, к которому имел большую тягу.

– Я к нему в гости, товарищ старший лейтенант, в ваш дом, не хожу.

– Вчера он был у тебя на станции?

– Был! – тут же ответил Костя.

– Кто разрешил малого таскать на такое расстояние по ямам, да ухабам?

– Я разрешил! Виноват! Не имею права, конечно. А вы слышали по «громкой», как он орал от восторга. Ему пять лет, он это будет помнить всегда, что видел вчера. Я его нёс на руках, а он вертел головой, он будет помнить эти ямы с ухабами и большие камни с кривыми деревьями.

Замполит не перебивал его. Он слушал стоящего перед ним рядового с открытым лицом и прямо смотрящими ему в лицо глазами.

– Всё? – спросил Белкин, выслушав до конца. Лицо его ничего не выражало. – Я, Козырев, не желаю слушать из уст моего сына солдатскую брань, он жену до шока доведёт. Понятно?!

– А чем я могу помочь, чтобы шок не случился? Привязывайте тогда сына, чтобы в казарму не бегал. Вы же сами знаете, здесь не детский сад, и дяди говорят не по-детски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.